VEGA 2 ВЕГ
CCCP
HUNGARY
FRANCE

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

№ 13 МАРТ 1986

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 13 (3062)

22—29 МАРТА

После проверки герметичности стыковочного узла космонавты Леонид Кизим (справа) и Владимир Соловьев перешли в помещение станции.

Командир корабля Л. Д. Кизим и бортинженер В. А. Соловьев в монтажно-испытательном корпусе ракеты-носителя «Протон».

«МИР» ПРИНЯЛ

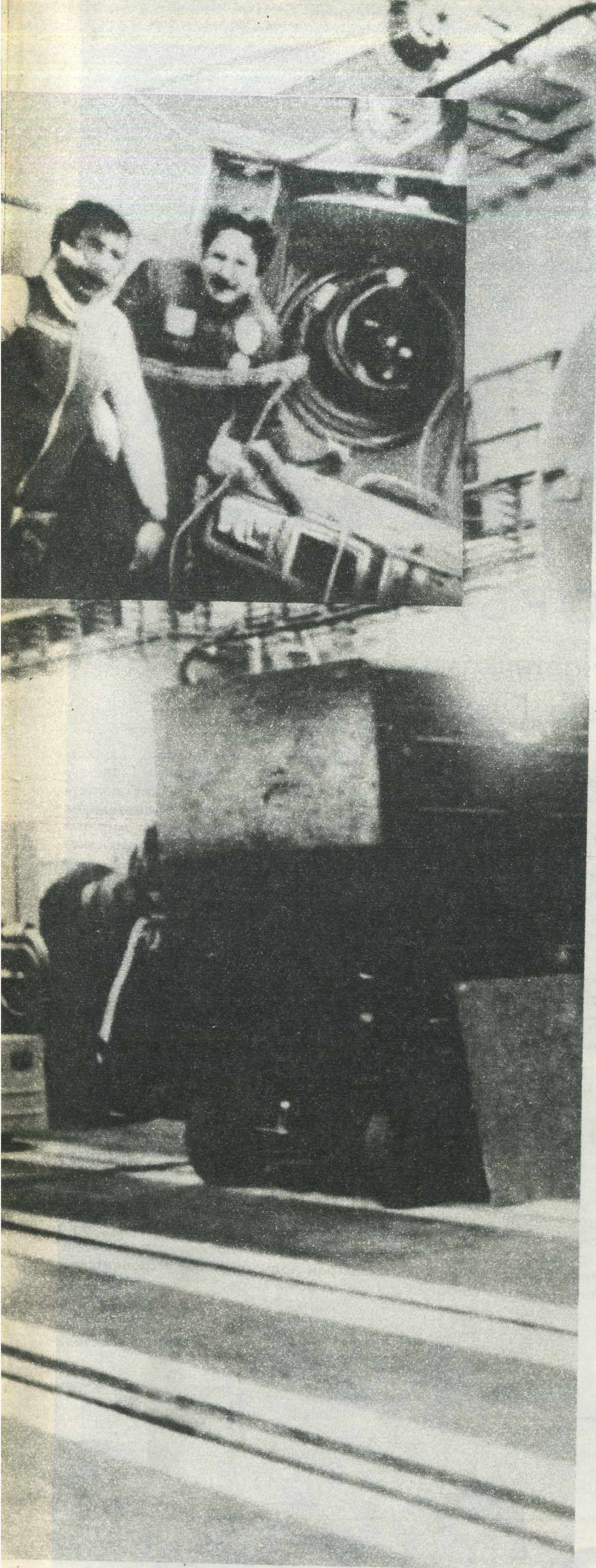
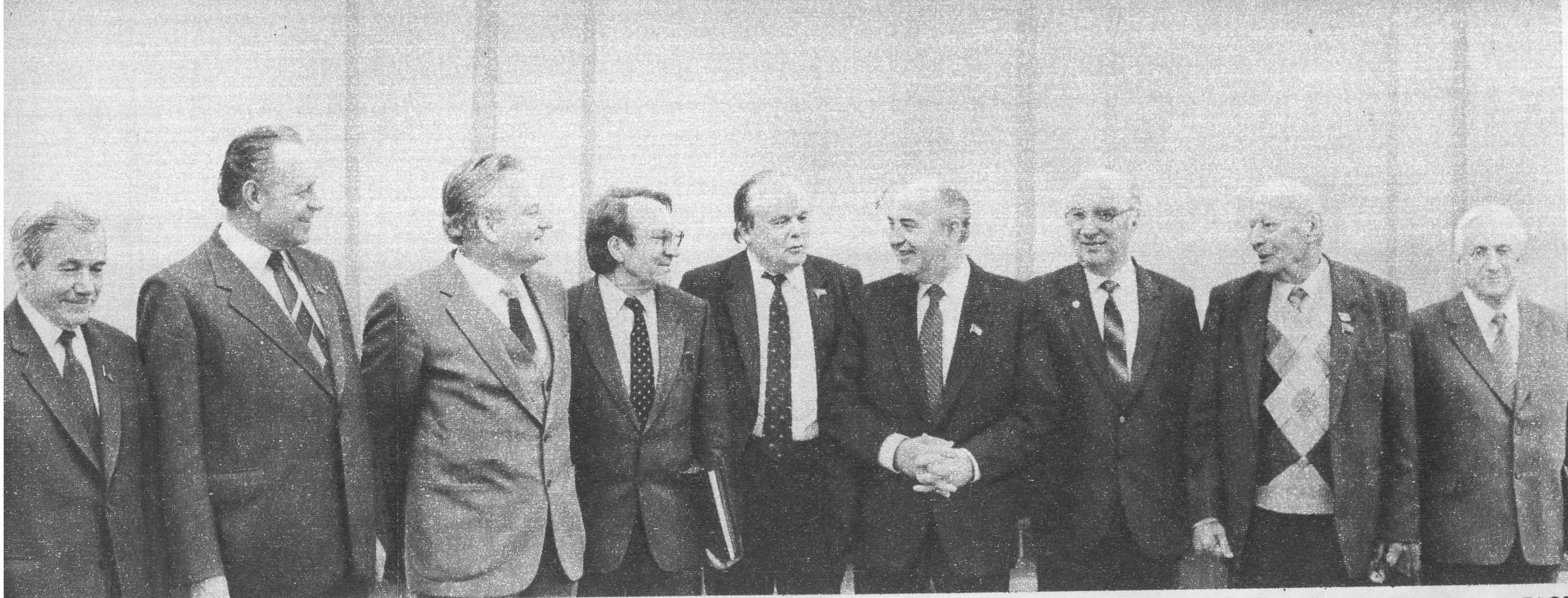

Фото О. Кузьмина, В. Кузьмина и А. Пушкарева ТАСС

Старт космического корабля «Союз Т-15» на космодроме Байконур.

НОВОСЕЛОВ

См. стр. 4.

Перед началом беседы.

Фото ТАСС

ВСТРЕЧА М. С. ГОРБАЧЕВА

с учеными и специалистами — участниками работ по проекту «Венера — комета Галлея»

18 марта в Кремле состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с президентом Академии наук СССР А. П. Александровым, вице-президентом Академии наук СССР Е. П. Велиховым, директором Института космических исследований, академиком, научным руководителем проекта Р. З. Сагдеевым, главным конструктором, членом-корреспондентом Академии наук СССР, техническим руководителем проекта В. М. Ковтуненко, руководителем работ по баллистическим расчетам, доктором технических наук, профессором Ю. А. Мозжориным и начальником Главкосмоса СССР А. И. Дунаевым.

Ученые рассказали об основных итогах и важнейших особенностях полета автоматических межпланетных станций «Вега».

В создании научной аппаратуры станций «Вега» принимали широкое участие совместно с советскими специалистами ученые и инженеры Австрии, Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши, Франции, ФРГ и Чехословакии.

М. С. Горбачев выразил глубокое удовлетворение итогами выдающегося космического эксперимента, проведенного советскими учеными, специалистами и рабочими. Он подчеркнул, что этот полет является ярким достижением отечественной науки и техники, убедительным примером плодотворного международного сотрудничества в мирном освоении космического пространства. Завершение этого важного эксперимента совпало со временем работы XXVII съезда КПСС и по праву порадовало советских людей, всех друзей нашей Родины, всех тех, кому дорого дело мира.

Сердечно поздравив всех участников проводимых космических работ, М. С. Горбачев пожелал им новых творческих успехов в важном и благородном деле, доброго здоровья и счастья.

В беседе приняли участие член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Л. Н. Зайков и секретарь ЦК КПСС М. В. Зимянин.

БЕСЕДА В КРЕМЛЕ

17 марта член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громыко принял в Кремле группу зарубежных участников третьей информационной встречи-семинара представителей антивоенных организаций Западной Европы, США и Канады.

Во время беседы, которая прошла в дружественной обстановке, А. А. Громыко отметил созвучность требований сторонников мира во многих странах советским мирным инициативам последнего времени.

Участники беседы из зарубежных стран подчеркивали, что советские предложения находят широкий отклик во всем мире.

Фото А. Гостева

Перед началом беседы.

Эти бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVII съезда КПСС отправляются на Магнитку.

Фото И. Гаврилова

ЕДЕМ МЫ, ДРУЗЬЯ!

«МИР» ПРИНЯЛ НОВОСЕЛОВ

Николай ЖЕЛЕЗНОВ

См. II обл.

С той 150-й секунды после старта, когда с головы могучей ракеты был сброшен обтекатель, укрывающий от аэродинамических перегрузок корабль «Союз Т-15», ослепительное солнце пробилось через иллюминаторы в кабину космонавтов и заиграло веселыми бликами на их гермошлемах. На наблюдательном пункте космодрома все приникли к экранам мониторов, соединенных с бортом. Я всматриваюсь в лица космонавтов и вижу, как именно в эти мгновения спадает с них напряжение двухчасового ожидания старта, напряжение отрыва от земного тяготения.

— Ну вот, теперь мы и поехали,— скорее не доложил, а с облегчением выдохнул Леонид Кизим.

— Ну вот мы и прибыли,— так же спокойно сказал Владимир Соловьев спустя двое суток, вплывая в новый космический дом — орбитальную станцию «Мир». Он открыл защитные «ставни» иллюминаторов, чтобы наполнить станцию солнцем, и включил пульты управления системами, чтобы вдохнуть в нее жизнь.

Валерий Рюмин, один из опытнейших космонавтов, руководивший в подмосковном Центре управления встречей корабля со станцией, отвечая как-то на вопрос, что самое сложное в стыковке, сказал: «Уложить экипаж спать». В самом деле, напряженные минуты сближения и стыковки, радость новоселья, сердечные напутствия друзей и коллег, оставшихся на Земле, наполняют сердца космонавтов таким, как заметил Георгий Гречко, «фейерверком возбуждения», что даже бывалые асы космических орбит не могут скрыть своего волнения.

— «Маяки», мы надеемся,— уговаривал экипаж на исходе этого жаркого дня стыковки Валерий Рюмин,— что к 23 часам вы все же угомонитесь и отправитесь спать...

— Это здесь гораздо сложнее, чем на «Салюте»,— отшучивался командир.— К обычным спальным местам на потолке, как вы знаете, прибавились отдельные каюты. И мы никак не договоримся, занять ли нам эти номера «люкс» или спать обоим в одном помещении. Наконец решили: раз мы испытатели, освоим сегодня же и новые каюты...

Еще на космодроме Владимир Шаталов поделился с нами своими мыслями о предстоящей программе работ, связанных с освоением орбитальной лаборатории нового поколения. Работы со станцией «Мир», оснащенной шестью стыковочными узлами, он назвал качественно новым этапом советской пилотируемой программы, рассчитанной на длительную перспективу. Речь идет об освоении новейшей и летательной, и исследовательской техники, которая постоянно совершенствуется в связи с растущими запросами различных отраслей народного хозяйства. Орбитальная станция, состоящая из 4—5 специализированных модулей, будет представлять из себя крупный научно-исследовательский институт, в каждом отделе которого сможет выполняться своя программа.

— Задача экипажа корабля «Союз Т-15»,— подчеркнул В. Шаталов,— состоит в том, чтобы проверить состояние бортовых систем, расконсервировать станцию, оценить ее готовность к приему дополнительных космических аппаратов — природоведческих, технологических, биологических, астрофизических.

Это ответственное поручение выпало на долю опытного космического дуэта Кизим — Соловьев, совершившего в 1984 году вместе с О. Ю. Атьковым 237-суточную экспедицию на «Салюте-7», который и сейчас находится на орбите. 45-летний командир экипажа Леонид Кизим — опытный летчик и космонавт. Его первый старт на орбиту вместе с Олегом Макаровым и Геннадием Стрекаловым тоже был связан с испытанием новой техники — он давал путевку в жизнь новому кораблю серии «Союз Т». Бортинженеру экипажа Владимиру Соловьеву 40 лет. Свой второй полет он совершает уже как заместитель руководителя полетом. За участие в качестве дублера при подготовке советско-французского полета Владимир Соловьев стал кавалером ордена Почетного легиона...

...Значение космического новоселья трудно переоценить. Как бы часто ни повторялись новоселья на Земле или в космосе, никогда не сотрется главный смысл этого волнующего события: встреча с новым. Новый дом — для того, чтобы лучше жить, новая машина — для того, чтобы быстрее двигаться вперед.

Новый орбитальный дом «Мир» продолжает славную эстафету мирного освоения космоса, которую вынес на околоземную орбиту первый космонавт планеты Юрий Гагарин.

Космодром Байконур — Центр управления полетом.

ЕДЕМ МЫ, ДРУЗЬЯ!

Виталий ЗАСЕЕВ

Всесоюзный ударный комсомольский отряд имени XXVII съезда КПСС приступает к работе.

Колонный зал почтительно распахивает перед ними свои двери. Взволнованные, чуточку растерянные, ступают они по лестничным маршам, разглядывают главный зал Дома союзов. То и дело вспыхивают блицы фото. Обстановка самая что ни на есть радушная, и герои этой встречи немало смущены и растроганы столь повышенным вниманием к ним.

В этот день Москва провожала участников Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVII съезда КПСС на важнейшие новостройки двенадцатой пятилетки.

Небольшого роста энергичная молодая женщина кого-то напряженно выглядывает в оживленном людском потоке. Данута Чугай, диспетчер по связи из Литвы, буквально на секунду подошла к зеркалу и тут же потеряла из виду своего мужа. Не на шутку расстроилась, а когда увидела Валерия, лицо ее вновь засияло счастливой улыбкой. Молодожены из поселка Завишонис решили отправиться в Ямбург. Валерий — водитель первого класса, коммунист, убежден, что настала пора свет повидать и себя в деле показать. Его уже ждет новенький КамАЗ.

— Желание поехать на новостройку пятилетки созрело у нас с Данутой давно,— рассказывает Валерий.— Но вот решающий шаг сделали после XXVII съезда партии. Подумали мы и решили, что не время отсиживаться дома.

В отряде из Литвы пятьдесят человек и пока только две женщины. Данута одна из них. Работу по профессии ей пока не обещают, и Данута будет на первых порах кашеварить. А когда молодой поселок обустроится и в домах новоселов появятся телефоны, Данута Чугай вернется к своему любимому делу.

Кто они, сегодняшние новоселы далеких ударных строек двенадцатой пятилетки? Этот вопрос интересовал многих журналистов. Хотелось и мне поближе узнать тех, кто, сменив домашний уют под крышей дома своего, решился на смелый жизненный шаг. Избегаю традиционной рекомендации руководителей отрядов и беседую «с кем попало». Самые отличительные черты моих собеседников — общительность, доверительность и юмор. Высокая сероглазая Таня Рак из города Волжского не очень колебалась перед тем, как отправиться в райком комсомола. Таня работала кассиром-контролером в продовольственном магазине, могла позволить себе часто обновлять маникюр. А теперь будет работать маляром. Тане двадцать один год, она полна оптимизма. В дорогу позвали ее романтика и желание быть нужной своей стране там, где этого требует время. Ее подруга по волгоградскому отряду Ирина Буцика на вопрос о заветной мечте ответила: «Будем учиться жить самостоятельно, без родительской опеки.— И добавила, смущаясь:— Ну, а если встретим тех, кому можно будет доверить свое сердце, посмотрим, возможно...»

Не знаю, успели девчата из города Волжского познакомиться с кубанскими казаками Сергеем Князевым и Вячеславом Чегодаевым, также уезжающими в Комсомольск-на-Амуре, но мне показалось, что оба парня достойны внимания волжанок. Сергей и Слава в недавнем прошлом десантники. Вернувшись домой, услышали по радио репортаж о формировании ударного комсомольского отряда и тотчас поспешили в райком комсомола. В дорогу их провожала вся станица Динская. Напутствовала в первый же отпуск вернуться с невестами.

— В Комсомольске-на-Амуре мы будем строить металлургический завод,— говорил Сергей.— Ну, а если встретим девчат по сердцу...

А что, вдруг совпадут симпатии и «Огонек» окажется «крестным отцом» двух молодых пар?

Двадцать шесть тысяч — таков первый ударный отряд комсомольцев, которые по призыву партии отправляются на новостройки пятилетки. Бойцы этого отряда будут реконструировать легендарную Магнитку, возводить новые заводы и города, вести мелиоративные работы в Нечерноземье, осваивать север Тюменской и Томской областей.

Присутствовавший на торжественном митинге в Колонном зале Дома союзов один из первых строителей Магнитки, а ныне генерал-лейтенант Евгений Иванович Майков, отвечая на вопрос «Огонька», сказал: «Завидую ребятам. Вспоминаю свою молодость и отмечаю, что нынешняя молодежь больше подготовлена, лучше вооружена техникой, и можно не сомневаться, что современное ускорение, помноженное на ее энтузиазм, даст космические результаты!»

...Плавно, неторопливо трогает с места экспресс, увозящий молодежный отряд на Дальний Восток, в Тюмень, Томск. Москва провожает посланцев Ленинского комсомола на новые свершения.

Счастливого вам пути, друзья!

Когда этот номер журнала подписывался в печать, корреспондент «Огонька» связался по телефону с Тюменью и Томском. Бойцы Всесоюзного ударного комсомольского отряда имени XXVII съезда КПСС приступили к работе.

Об этом говорилось на XXVII съезде партии

Возвращение к делу

Кильдебай СУЛЕЙМАНОВ,
Риза ЯХИН,
Герои Социалистического Труда,
делегаты XXVII съезда КПСС.

Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА и А. ГОСТЕВА

Они собирались домой. За окном последняя ночь в Москве. Пар над Москвой-рекой, огни Могэса. Они привыкли к этим огням, к реке за гранитным парапетом, к жизни столицы за окном. Восточный корпус гостиницы «Россия», третий этаж, номер 254. Их дом на двенадцать дней. Каждое утро они отсюда уходили на работу в Кремль — два делегата на съезде от Башкирской партийной организации; Кильдебай помоложе, бригадир совхозных животноводов, Риза, если приглядеться, аксакал, но без единого седого волоса, дед уже, но молодой дед; он механизатор, то есть и пахарь, и жнец, и вообще с техникой на «ты». Вместо того, чтобы ответить, где он работает, Кильдебай неожиданно для меня прочел:

Не надо сердиться, ветер!
Ты знаешь, что мир велик —
Не только Москва на свете,
Существует и Таналык.

Не может быть!.. Да, бригадир Кильдебай Сулейманов приехал на съезд из совхоза «Таналыкский», куда был когда-то направлен юный поэт из Тимирязевки героический Сергей Чекмарев. 1932 год... Начинающий специалист, романтик, по существу, еще мальчик участвовал в организации совхозного животноводства: «Работать здесь — это значит носиться верхом на лошади, организовывать работу в гуртах, управлять совхозом. Это трудно. Но лучше трудно, чем нудно,— так я считаю». Старое письмо вскоре погибшего зоотехника...

К. СУЛЕЙМАНОВ. *Сейчас «Таналыкский» — отличное хозяйство, и степь та же, правда, ее сильно распахали, а гурты стали большие и большие дойные стада, много машин, но по-прежнему чабаны носятся верхом, а зоотехники в легковых автомобилях...*

Р. ЯХИН. *В Башкирии крупные хозяйства. Я работаю в ордена Ленина совхозе-техникуме «Зилаирский», так у нас пятьдесят пять тысяч гектаров пашни! Вот где земля, где хлеб!*

...Они соседи. И там, в Башкирии, поскольку Хайбуллинский и Баймакский районы через межу, и здесь жили в одном номере. Знают друг друга давно, лет десять, потому что давно в передовиках ходят и часто бывают на торжественных совещаниях в Уфе. Друг от друга не таится, много общего в интересах, но и всегда выскажут взаимные претензии, потому что механизаторы — рыцари растениеводства, единственного источника кормов, а животноводы при всем своем мастерстве зависят от того, что вырастят, что соберут полеводы.

Р. ЯХИН. *Когда-то башкиры мало сеяли хлеба, скотоводство было пастбищным. Теперь зерно — всему голова; мы сеем у себя тридцать три тысячи гектаров зерновых! Представьте себе такой объем работ!.. Пахота, сев, уборка — какая ответственность из года в год. Каждодневное единоборство с погодой: то сушь, то дожди. Пятилетку по хлебу так и не сумели выполнить... Дело не в семенах, и не в технике, и даже не в плохой погоде, и даже не в агротехнике — мы давно ее знаем. Нужно внедрять новую технологию выращивания зерновых. Технология — значит строгость во всем, последовательность, дисциплина, без которой нарушаются сроки полевых работ, нарушается агротехника. Чтобы соблюдать технологию, нужны постоянные бригады, звенья механизаторов, заинтересованных работать как часы. Но у нас пока не получалось... Пытались внедрить подряд, начинали дружно, а как суховей наведался, так чувствуют механизаторы, что не будет весомого конечного результата, сразу требуют перерасчет и возвращаются к зарплате. Есть урожай или нет — зарплата ежемесячная. Привыкли. И виноватых, кроме неба, никого... Но думаю, что в этом году вернемся к организации подрядных бригад. Что для этого надо? Нужно планировать урожайность в соответствии с реальным плодородием полей, нужно план экономически обосновать. А он пока не зависит от экономической оценки почв, до сих пор план урожайности брали... с потолка.*

К. СУЛЕЙМАНОВ. *Мы не ожидали, что работа на съезде такая напряженная. Вот пример всем! Затемно вставали, завтрак — и на работу. И кончали незадолго до темноты... Вот так бы всегда работать — и дома, в совхозе, и на заводе. Поток информации огромный, физически тяжело, но зато как много успевали каждый день!.. Необходимо было анализировать, сравнивать, примерять к себе опыт со стороны... Это были трудные, но полезные уроки. В нашем разговоре стали и такие слова появляться: «социальная справедливость», «нравственная революция», «некомпетентность руководителей», «человеческий фактор», «земельный кадастр»... Дух захватывает!..*

Не засыпали подолгу; лягут, а еще разговаривают. Каждое выступление обсуждали. Одобряли откровение, с каким поднимались на трибуну делегаты. И снова думали вслух: что сделать у себя дома, чтобы жизнь была лучше, чтобы земля стала плодороднее, а скот удойнее, упитаннее? Особенно разбередила душу идея вернуться к ленинскому продналогу, к твердым планам-заказам на пятилетку, к принципам кооперации, сама концепция ускорения.

К. СУЛЕЙМАНОВ. *Я тут, в Москве, подумал, что жизнь давно подсказывала такой поворот к эффективной экономике. Скажу о себе. Мы живем на Новоукраинском отделении, всего-то сорок дворов, а вокруг стёпь. Жили и живем почти одной семьей, все друг друга знаем и знаем, кто есть кто: один труженик, другой покурить любит, третий бросовый человек, а этот скажет — сделает. Но труд в одном отделении нас пока не объединил. Кто уехал — понятно, а кто остался, тот, казалось бы, должен быть связан одним интересом со всеми, и с той же пашней, и тем же стадом. Но интереса как раз не было! Думаю, сейчас самое время сделать каждое совхозное отделение хозрасчетным. А работать сообща по единому коллективному подряду. Нужен договор с дирекцией совхоза! И по договору работать. Договорные отношения самые надежные и справедливые. А то, бывало, концов не найдешь... У нас три тысячи гектаров, шестьсот голов крупного рогатого скота, сорок крестьянских дворов. Тут и опыт аксакалов, и труд молодежи, и воспитание в труде, и общий интерес. Мы, например, с женой Закией*

лет пятнадцать вдвоем пасли, выращивали молодняк, попросту телят. Хорошо было. Никаких ссор, труд от солнца до ночи, полная взаимозаменяемость, подменяли друг друга. Чем не семейное звено? Так оно и было — теперь это называют семейное звено!.. Труд пополам, заработок весь наш, рабочий день ненормирован. Зато и свободен, когда надо. Если так может одна семья, то почему не могут другие? Могут!

Р. ЯХИН. Конечно, могут. Я говорил, как трудно выращивать хлеб, как набаловались некоторые — работали в поле спустя рукава, не думая о жатве... Но когда она приходит, многие вкалывают с утра до ночи на комбайнах, на токах. Почему? Оплата за намолот, и зерном дают — оно для личного скота нужно. Не хвалясь скажу, комбайнер я хороший. И звеном давно молотим. Выгодно. Четыре комбайна, нам дают поля, сами себе хозяева — жаль только, на время жатвы. Даже в неурожайные годы комбайнер внакладе не остается. Мы звеном намолачиваем и по сто, и по сто восемь тысяч центнеров! Всегда вымпел наш. Я в минувшем году намолотил снова шестнадцать тысяч центнеров зерна, а старший мой сын Рашид — тринадцать тысяч... Я это все говорю, чтобы поддержать Кильдебая. Подряд и даже иногда семейное звено — это дело, выгодное и людям, и государству. Вернется мой сын Ришат из армии — обязательно соберу семейное уборочное звено, в нем сначала будет три комбайновых экипажа, я и сыновья. И четвертый потом подрастает, потому что младший мой, Ильфат, хотя и школьник, но уже работал на жатке, валил пшеницу. Так вот в будущем наше семейное звено сможет любой договор с дирекцией выполнить. И перевыполнить.

...Новое в производственных отношениях очень волнует друзей из Башкирии. Они все время, о чем бы речь ни заходила, возвращались к порядку на селе, к теме самоконтроля, самостоятельности и технологической дисциплины. Новые производственные отношения, взаимообязательства администрации совхоза и исполнителей работ в поле и животноводстве непременно отделят тружеников от лежебок и болтунов. Те, кто не умеет не работать, сразу получат приоритет. Станут жить лучше, зарабатывать больше, а главное — жизнь их обретет и смысл, и удовлетворение. Кильдебай и его Закия всегда трудились не покладая рук, и награды их не обошли. Но все же те, кто не старался, безмятежно пребывал по соседству, не напрягаясь, жил и живет не хуже, а то и получше. А это так несправедливо. Риза рассказал, как попросился у них в ряды партии зряшный человек, и тогда спросили у него: зачем, мол, тебе приспичило в наши ряды? Ответил: «Уработался на черной работе, немножко отдохнуть хочу...» Совсем как дед Щукарь, который убежден был, что все коммунисты на должности...

Р. ЯХИН. У коммуниста одна должность — быть человеком. Никаких других привилегий. Быть порядочным и соблюдать порядок. Быть примером на деле, чтобы не показывали пальцем те, кто давно смирился и с неурожаем, и с плохой техникой, и с потерями, и с пьянством, и с круговой порукой, при которой никто ни за что не отвечает.

К. СУЛЕЙМАНОВ. Помните? Главный урок партийного съезда — правда.

...Наутро они уезжали, побратимы из Башкирии.

Диалог поддерживал Н. БЫКОВ.

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ С. М. КИРОВА

Рыцарь революции

едкий этот снимок сделан в гражданскую войну в Астрахани. У большого стола — группа людей. Кто в полушубке, кто в косоворотке, на некоторых кители. Среди них знакомое лицо. Это молодой Киров! Добрый, прямой взгляд. Густые, аккуратно зачесанные волосы. Темный пиджак. Белая рубашка с галстуком. Киров собран, подтянут.

Снимок я увидел несколько лет назад. Мне по роду своей деятельности (я журналист-историк) приходится часто работать в архивах. Многолетние поиски порой дают совершенно неожиданные результаты.

...С владельцем этого снимка я познакомился необычно. Все началось с поиска в Саратовском архиве материалов о марксистском сборнике «Начало».

Еще до выхода в свет сборника в Саратовском губернском жандармском управлении в 1913 году завели «дело» на издателей. И как только сборник появился, его тут же конфисковали. А через несколько дней начальник Поволжского охранного отделения доносил в Петербург, в департамент полиции: «В Саратове издан марксистский сборник под названием «Начало». По просмотре его инспектором по делам печати сборник в количестве 300 экземпляров конфискован... Между тем, по имеющимся у меня совершенно секретным сведениям, «Начало», отпечатанное в гораздо большем числе экземпляров, чем представлено было инспектору по делам печати, рассылается в настоящее время в разные города».

Действительно, книга по тайным каналам попала в Астрахань, Киев, Москву, другие города.

В чем же усмотрела «крамолу» охранка? В сборнике были помещены очерки, статьи революционного содержания. Первый очерк «Встречи и думы» в значительной части был посвящен В. И. Ленину. Его автор Н. Владимиров создал, видимо, первый литературный портрет Владимира Ильича.

Вскоре саратовский сборник пересек все кордоны и лег на рабочий стол Ленина, жившего тогда в Кракове. Ознакомившись с ним, Владимир Ильич послал сборник в Париж, своему большому другу, видному деятелю женского революционного движения Инессе Арманд.

Несколько лет назад, в 1978 году, я рассказал на страницах журнала «Наука и жизнь» о найденных мной в архиве материалах, которые помогли воссоздать историю рождения и распространения сборника «Начало». Среди обнаруженных документов — любопытное послание из Москвы на имя одного из издателей сборника, М. Непряхина:

«3 января 1914 года. Дорогой Миша! Хотя я и сухой человек, привыкший превращать всю свою внутреннюю жизнь в мысль и действие, но всегда ценю порывы других. Книга, признаюсь, вышла хорошая».

Вскоре после публикации статьи о марксистском сборнике я получил письмо. Не вскрывая его, обратил внимание на обратный адрес: «Москва, ул. Киевская, М. Г. Непряхину». Я опешил: неужто тот самый? Сколько ж ему лет? Почерк неровный, дрожащий, старческий. С волнением вскрываю конверт.

М. Г. Непряхин писал: «Это я вместе с Павлом Гурьевым издавал «Начало». Происходило это 66 лет назад. Издание такого сборника было делом очень сложным. Но не успел наш сборник увидеть свет, как власти конфисковали его. Все же большую часть отпечатанных книг мы утаили, спасли. Да, дело было боевое, молодое! Но думал ли кто-нибудь, что наш сборник попадет к Ленину! После издания сборника «Начало» меня привлекли к судебной ответственности. Теперь мне много лет. Благодарю за столь радостную для меня публикацию. Если Вам случится быть в Москве — заходите.

М. Непряхин».

И вот я лечу в Москву к М. Г. Непряхину.

...Квартира в многоэтажном доме на Киевской улице. Дверь открывает старик с большой окладистой бородой, белыми усами. Глубоко запавшие глаза под седыми густыми бровями. Протягивает руку: «Михаил Георгиевич Непряхин».

Первое, на что я обратил внимание в комнате,— это старая фотография в рамке. Та самая, с которой я начал свой рассказ. Снимок-подлинник! Снимок-реликвия!

В центре — Киров. Он и его соратники сняты на фоне карты Южного фронта. Внизу вытиснены фамилия фотографа и адрес: «Астрахань». Киров в Астрахани! И сразу же вспомнилось хрестоматийное: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским». О, с каким чувством повторял я еще в школе эти кировские слова! Когда я сказал об этом Непряхину, он деликатно спросил:

— А знаешь ли ты, когда Мироныч произнес эту фразу?

— В речи 3 августа девятнадцатого года на Астраханской городской партконференции,— выпалил я.

— Верно. А перед тобой один из тех, кто слушал эту речь.

— Вы знали Кирова?!

— Мы часто встречались. Приходилось и работать, что называется, бок о бок. Фотография эта сделана в 1920 году. А Мироныч приехал к нам в Астрахань в январе девятнадцатого.

— Простите, а ведь вы, Михаил Георгиевич, саратовский? Я в архиве ваши старые документы нашел. Вы родились в Саратове, там долго жили.

— Справедливо. Но в первую русскую революцию жил в Астрахани, был членом тамошней социал-демократической организации. Потом уехал, а в семнадцатом снова вернулся в Астрахань. В восемнадцатом участвовал

С. М. Киров в Астрахани. Фото 1920 года.

здесь в борьбе за Советскую власть, заведовал культпросветотделом губернского совета профсоюзов.

Мой собеседник встал, медленно зашагал по комнате.

— Сейчас мне 91 год. А тогда в Астрахани было чуть больше тридцати. Мироныч на год старше меня. Так что мы почти ровесники. Первый раз мы с ним встретились, кажется, в губкоме партии. Я слышал, что он прислан к нам Лениным, Центральным Комитетом партии. Мироныч оказался человеком на редкость скромным, спокойным, деликатным. Роста невысокого, коренастый, плечистый, с небольшой бородкой. Потом, незадолго до отъезда из Астрахани, он ее сбрил. Мироныч быстро завоевал глубочайшее уважение многих волжан. У него было сильное оружие — слово! Как он говорил! Как умел убедить, увлечь! Настоящий трибун. Трибун революции. Кажется, не было ни одного собрания, митинга, где бы он ни выступал. И всегда горячо, страстно! Мне посчастливилось выступать вместе с ним. Первый раз — на экстренном заседании правления профсоюзов. Тогда мы решили очень важный вопрос — о создании рабочих батальонов для защиты Астрахани. Второй раз — на общегородском делегатском собрании женщин-работниц. Мироныч призвал женщин бороться за светлое будущее, вступать в ряды защитников революции. Об этом говорил и я.

В феврале девятнадцатого был организован Временный военно-революционный комитет Астраханского края во главе с Кировым. Этот комитет стал высшим органом власти в губернии. Скажу без преувеличения: в ту пору от судьбы Астрахани во многом зависела судьба всей республики. На город нацелились интервенты, белогвардейцы. На подступах к нему были отряды астраханского казачьего войска. Оно было на стороне контрреволюции. Деникин и Колчак хотели соединиться на Нижней Волге и двинуться вверх по Волге на Москву. Астрахань называли воротами к нефти Баку и Грозного, к хлебным краям. Английские самолеты часто совершали налеты на рыбные промыслы, на город, сбрасывали бомбы.

В самой Астрахани притаились эсеры, меньшевики, контрреволюционеры, выжидавшие момента для выступления. В городе не хватало хлеба, рабочие голодали. От недоедания начались болезни, эпидемии. Не было топлива, мыла. В селах вспыхивали кулацкие мятежи. А 10 марта враги подняли мятеж в городе. То был предательский удар в спину. Многие коммунисты погибли. Но мятеж удалось подавить.

«Приказываю беспощадно уничтожить белогвардейскую сволочь...» Этот приказ подписал председатель ВРК Киров.

Он был во главе обороны города. Был там, где всего труднее, опаснее. Я видел его в солдатских казармах, в окопах. Он летал на самолете, скакал на коне, ездил на машине. Но больше всего — пешком.

Тридцатого июня девятнадцатого года положение обострилось. Пал Царицын. Белогвардейцы вышли к Волге. Вторглись в наш Астраханский край. Бои шли на обоих берегах Волги. Киров принимал в них непосредственное участие.

Враги хорошо понимали, что значит Киров для Астрахани. Сергей Миронович показывал мне письмо, полученное им от какого-то негодяя. Тот писал: «...если Кирова удастся убрать, судьба Астрахани будет решена». Готовилось убийство Кирова. Но заговор удалось раскрыть.

В июле стали поговаривать об эвакуации Астрахани. Это были не только слухи. Троцкий отдал приказ эвакуировать город в целях «выравнивания» фронта.

Киров опротестовал этот приказ, обратился к Ленину. Владимир Ильич дал указание: «Астрахань защищать до конца».

Все время, пока Киров был в нашем крае, он изо дня в день вел адскую, сверхчеловеческую работу. Я только диву давался: откуда столько энергии у человека! Он знал, чем живет каждый рабочий,крестьянин, рыбак, моряк, умел подойти к русскому, украинцу, татарину, азербайджанцу, армянину. Со всеми находил общий язык. Запомнилось мне выступление Кирова перед представителями национальных меньшинств. Просто, понятно разъяснял он ленинскую национальную политику. Просил слушателей помогать большевикам. Благодаря Кирову Астрахань стала крепостью на Волге.

Михаил Георгиевич делает большую паузу, тяжело, прерывисто дышит... Уходит в другую комнату и тут же возвращается, бережно неся в руках плотный листок бумаги.

— Это копия телеграммы, посланной Ленину 13 октября 1919 года. Подлинник — в Центральном партархиве, в фонде Ленина. Подписали ее Киров и я. Тогда я был губернским продкомиссаром. В самое трудное время Киров всегда обращался к Ленину. Так было и на этот раз.

«Астраханская губерния давно не получает... мануфактуры, обуви, других товаров, от чего население, особенно рабочие, бедствует. Если губпродком имел доселе кое-какие ничтожные запасы, то они для армии, которая также ничего не получает, бедствует, хотя все время героически бьется на окружных фронтах...

Убедительно просим... обратить внимание и посодействовать немедленно отправке Главпродуктом всех причитающихся нам товаров... За Астрахань постоим, как оборонялись, так и будем оборонять...»

На этой телеграмме Владимир Ильич написал записку наркому продовольствия А. Д. Цюрупе: «Что сделали? Закажите прислать мне проверку. Ленин».

Михаил Георгиевич еще долго рассказывал о Сергее Мироновиче, рассказал и историю памятной фотографии.

— Ее подарил мне соратник Кирова член Реввоенсовета 11-й армии Виссарион Мелхиседекович Квиркелия. На снимке он слева от Кирова. На обороте фото он поставил свой автограф: «Непряхину от В. Квиркелия 25.III». Год не указал, но я-то хорошо помню. Подарок сей получил в 1920 году. Справа от Кирова — Константин Александрович Мехоношин, старый большевик, участник Октябрьской революции. В 17-м году Мехоношин был заместителем наркома по военным делам. Во время защиты Астрахани председателем РВС Каспийско-Кавказского фронта, членом РВС 11-й армии. Мехоношин написал воспоминания о Кирове — как о замечательном военачальнике. У меня долго хранилась газета за 1 декабря 1935 года со статьей Мехоношина. Он писал, что с точки зрения военного искусства Астрахань считалась обреченным городом. План обороны города, составленный Кировым,— первый военный план, разработанный им.

Кирову воздвигнуты памятники. Художники, живописцы пишут его портреты. А старый снимок... Он мне очень дорог. Ведь это исторический документ,— прощаясь, сказал Михаил Георгиевич.

Ю. ПЕСИКОВ

А. БАСМАНОВ

Первый общедоступный

Конец прошлого года ознаменовался в Москве большим культурным событием. В здании Академии художеств экспонировались картины из коллекции Саратовского художественного музея имени А. Н. Радищева, которому исполнилось ровно сто лет. В течение нескольких месяцев на Кропоткинской улице выстраивалась ежедневно внушительная очередь, ибо в Академии художеств показывалась замечательная живопись — произведения Рокотова, Левицкого и Боровиковского, Кипренского, Сильвестра Щедрина и Брюллова, лучших передвижников, Сурикова, Репина и Левитана, Валентина Серова и Константина Коровина, Борисова-Мусатова, Нестерова, Бенуа... Наконец, прекрасный подбор западных полотен в хронологии от XV по самый конец XIX столетия.

Трудно преувеличить значение Саратовского музея в нашей духовной жизни: его фонды насчитывают свыше пятнадцати тысяч единиц хранения — это, собственно, если продолжать арифметику, школа искусства для двухсот тысяч людей, приходящих сюда ежегодно. Школа эта и профессионального мастерства — тут, по сути, учились понимать красоту такие разные, крупные скульпторы, как Александр Матвеев и Александр Кибальников, а неповторимому живописцу Борисову-Мусатову, коренному саратовцу, было пятнадцать лет, когда музей впервые открыл свои двери. Первый русский общедоступный музей. Первый! Еще до Третьяковской галереи.

Сегодня тут часто звучит прекрасная музыка — в исполнении симфонистов саратовской консерватории и филармонии, столичных виртуозов и гостей из-за границы. Это то, что называют здесь «Музыкальными вечерами». Содержательные лекции по истории искусства, дни открытых дверей для всех, кто хочет смотреть картины, и дни посещения небольшой, но очень ценной по подбору раритетов библиотеки — так работает этот великолепный центр подлинной культуры.

Заместитель директора Галина Михайловна Кормакулина говорит о сегодняшнем дне так, будто музею не сто лет, а один год,— планы обширны, музей растет, расширяется, скоро будет у него больше места, ибо эта проблема важнейшая. Выставок же, особых, «чисто саратовских», бывает много, вот, например, последние: «Волга в творчестве русских и советских художников», «Саратовские живописцы за сто лет. 1885—1985 годы».

Музей — любимое место, часть жизни не только саратовцев, это как бы духовное перекрестье людских дорог, сухопутных и водных: Волга «плывет» мимо, музей, бескрайние просторы и река сроднились друг с другом.

Академик Д. С. Лихачев писал как-то, что даже «предметы искусства в музеях не просто хранятся, а составляют некоторые культурные ансамбли, связанные с историей городов и страны в целом. Состав музеев далеко не случаен, хотя в истории их собраний и немало отдельных случайностей... Но если вы возьмете всю нашу страну, вы удивитесь разнообразию и своеобразию городов и хранящейся в них культуры: в музеях и частных собраниях, да и просто на улицах, ведь почти каждый старый дом — драгоценность. Одни дома и целые города дороги своей деревянной резьбой (Томск, Вологда), другие — удивительной планировкой, набережными, бульварами (Кострома, Ярославль), третьи—каменными особняками, четвертые — затейливыми церквами».

Саратов славен своим музеем, и слава эта не голословна, но действенна, она формирует, нравственно украшает, отличает, наконец, воспитывает местных жителей — их гордость и историческую память.

Целиком обязанный своим основанием известному художнику-пейзажисту Алексею Петровичу Боголюбову, пробившему сквозь глухую казенную рутину всю сложнейшую организацию дела, пожертвовавшему на него в с е свои средства и богатейшую художественную коллекцию, музей открылся при огромном стечении публики летом 1885 года, горячо приветствуемый И. Репиным, А. Рубинштейном, буквально всеми образованными людьми. И слова их не расходились с делом: поток подношений и даров был настолько стремительным, что только за первые три года музейное собрание увеличилось вдвое; в числе жертвователей — братья Третьяковы, художники Бронников и Харламов, непревзойденный знаток византийского искусства Звенигородский, отдавший произведения итальянского и ранненемецкого Ренессанса, многочисленную западноевропейскую графику.

А с первых лет революции создался и отдел советского искусства. Тогда руководство Радищевским музеем принял на себя прекрасный художник-гравер и очень молодой в то время человек А. Кравченко, вспоминавший, что уже к 1921 году было собрано «три новых зала вещей».

Сегодня советский отдел безупречен в своей исторической широте и поистине замечателен по качественному уровню: каждый живописец представлен в полную силу. Если это С. Малютин — то великолепным портретом «Старого кооператора», если И. Машков — то одним из своих самых замечательных холстов, «Натюрмортом с женской фигурой». Экспозиция отдела подвижная, приобретения постоянны, как постоянно стремление к улучшению коллекции, и теперь очень веско показывают здесь себя сразу же узнаваемые издалека М. Нестеров, С. Герасимов и Н. Крымов, Н. Чернышев с его «Тоней» — воплощением юного энтузиазма двадцатых годов; а К. Богаевский, А. Шевченко и А. Лентулов поворачиваются к зрителю непривычной стороной, демонстрируя индустриальные пейзажи тех лет, когда искусство определялось броским лозунгом: «Великий СССР, познай себя».

Деятельность по собиранию современных картин продолжается, и тут опять обращает на себя внимание не количество, а качество саратовских полотен — именно в этих стенах сошлись заслуженно известные произведения «Гроза» А. Мыльникова и «Студенты. В мастерской» Д. Жилинского, "Апрельский месяц» В. Попкова, «Солнечный день» П. Оссовского и еще десятки лучших наших современных работ. Залы здесь светлы и просторны, они «дают воздух» и для скульптуры С. Коненкова, С. Лебедевой, саратовцев А. Кибальникова и А. Матвеева... Это матвеевский мраморный мальчик грустит до сих пор на окском берегу, на могиле Борисова-Мусатова.

Залы в Радищевском музее действительно очень хороши. Впрочем, хорош весь дом постройки респектабельного петербургского архитектора Штрома: мощная чугунная лестница и старинные гобелены над ней, сквозные перспективы анфилад, украшенных превосходной мебелью и витринами с коллекционным фарфором. И мебель и фарфор — тоже экспозиция, затеянная еще Боголюбовым, подарившим к тому же коллекции стекла, бронзы, серебра. Теперь, конечно, это собрание сильно увеличилось, представляя лучшие образцы прикладного искусства России и Европы чуть ли не за пятьсот лет.

Интерьеры музея как бы дополняют живопись, настраивают на нее, сообщают атмосферу заданной эпохи. Особенно это чувствуется в залах русского искусства XVIII—XIX веков: «ушастые» кресла карельской березы, клавикорды, золоченые батенинские вазы и портреты, портреты... Именно с портретов, как и положено, начинается тут «росское художество» петровских времен. Оно уходит, стелясь по стенам, все дальше: через классическую строгость «времен очаковских», романтизм двенадцатого года и декабристской эпохи, через повествовательность и страстный реализм передвижников.

Каково же первое впечатление от русских зал? Опять же поражает уровень. Для посетителя, интересующегося историей нашего искусства, большинство полотен окажутся давно знакомыми — по выставкам, по многочисленным воспроизведениям в альбомах начиная с единственного и всякому со школьной скамьи известного портрета Радищева — с чуть надменно вскинутой головой, гладко зачесанной и припудренной, с тонким, нервным лицом и скорбной складкой губ.

Возьмите замечательные, я бы даже сказал, популярные портреты «Неизвестной с ребенком» Боровиковского, «Губареву» Левицкого, рокотовских «Н. М. Мацнева» и «Секунд-майора Н. А. Загряжского», московскую красавицу-певицу 1830-х годов Л. К. Маковскую, воплощенную тропининской кистью, брюлловских «И. А. Бека» и «К. А. Поццо ди Борго» — они все из Саратова.

Тут же шедевр Кипренского последних лет жизни, быть может, последний его шедевр,— портрет Ф. А. Голицына, истинное сокровище музея. Сам ветер эпохи веет от этого портрета, эпохи, которая, по слову Герцена, «была юность, отвага, ширь, поэзия, Пушкин, рубцы 1812 года, зеленые лавры и белые кресты». В холсте ясно ощущается драматизм; последекабристские интонации доносятся до нас от образа Голицына, человека редкой судьбы, заочно приговоренного в России к каторжным работам, сражавшегося добровольно за свободу Италии и

В. Суриков. 1848—1916. ПОРТРЕТ П. И. ЩЕРБАТОВОЙ. 1910.

Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

Н. Богданов-Бельский. 1868—1945. УЧЕНИЦЫ.

Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

похороненного в Болонье с воинскими почестями, национальным героем.

Портретная галерея XVIII — начала XIX века сложилась в музее, как и советский отдел, после революции. До нее костяком являлись произведения Крамского, Вл. Маковского, Шишкина, Лагорио, Поленова, Савицкого, Репина, написавшего в Париже самый ранний портрет основателя галереи Боголюбова—1876 года. Теперь в Радищевском музее рядом два его портрета — парижский и более поздний, тоже репинской кисти: мощный, экспрессивный, волевой профиль, причисляемый к лучшим работам мастера, хотя был создан за один сеанс с быстротой натурного этюда.

Привез Боголюбов из Франции и композицию «Жен-мироносиц» Марии Башкирцевой, молодой и необычайно одаренной художницы, умершей от чахотки в Париже двадцатитрехлетней. Ее произведения в наших музеях крайне редки, еще реже, чем картины жанриста Л. Соломаткина, «легендарного босяка», или «художника четвертого сословия», как называли его современники за изображение жизни социальных низов, обитателей городских окраин, бродячих актеров. В Саратове соломаткинский «Петрушка» дает до осязаемости точное представление о повседневности одного из каменных колодцев-дворов Петербурга, будто иллюстрируя некоторые главы из сочинений Достоевского.

О блеске жанра в русском искусстве говорят в Саратове и первоклассный по живописи и мысли «Псарь» Сверчкова, перовский «Странник», «Известие о взятии Карса» Виктора Васнецова, «Ученицы» Богданова-Бельского. Эти картины перемежаются с драгоценностями наших пейзажистов — Айвазовского и Поленова, Левитана и Саврасова, с прекрасной сюитой гениального Федора Васильева, исполненной во славу родной природы, с «Лесной чащей» Шишкина — здесь дремучий русский лес, цветы и травы, словно их чудесными ароматами веет от этого холста.

И все же два портретных шедевра задержат здесь вас долее, чем другие картины. Это репинская «Девочка в розовом», где с непревзойденным мастерством схвачено состояние безмятежно просыпающегося ребенка и где искренность и артистичность кисти виртуозны, а нежность отца, его любование дочерью проникновенны и трогательны. И суриковская, в холодном голубовато-синем колорите «П. А. Щербатова», по желанию заказчика изображенная как «персонаж из толпы боярыни Морозовой — русской бабой типа той, которая, опустив голову, стоит у саней». Но сходство тут не только внешнее — внутреннее: в «русскости» характера, в страстности и нравственной силе. Известно, что портреты Суриков писал редко и только в том случае, если модель интересовала его как личность.

Портрет П. А. Щербатовой — это уже 1910 год, новый век, новое время для России, ее истории и искусства, это новые имена замечательных художников. В. Серов и К. Коровин, Врубель и Борисов-Мусатов, Кустодиев и Петров-Водкин — все они есть в Радищевском музее. Да еще как есть! На зависть всем другим собраниям, в том числе и столичным. Тут мусатовский «Осенний мотив», предвосхищающий и его «Призраков», и «Водоем», и «Изумрудное ожерелье»; один из самых «коровинских» бульваров Парижа; домоткановский «Стог сена», поэтичнейшая картина Валентина Серова; врубелевская «Муза», в которой уже читаются черты «Царевны-лебедя»; хрестоматийные, вошедшие во все монографии о Кустодиеве «Морозный день», «Троицын день» и «Ярмарка».

Начало века — это и появление «Мира искусства». Его художникам, петербуржцам по рождению, энциклопедистам и историкам по складу воспитания и прекрасного образования, была свойственна виртуозная культура свободных стилизаций, абсолютно оригинальная трактовка старины. И тут саратовцы обладают, пожалуй, лучшей из периферийных коллекций, представляющей своих авторов в самом выгодном свете. Прекрасен по колориту, рисунку и изобретательности эскиз декорации к опере Мусоргского «Борис Годунов» кудесника сценографии Головина, а вот и его «Испанка», контрастная в линиях и цвете, отчаянно сочетающая лимонно-желтый и черный. «Версаль» 1906 года Бенуа — тот, напротив, весь приглушен и спокоен: в пышно разросшемся парке, в шпалерах стриженых деревьев как бы во влажной дымке гаснут застывшие мраморные скульптуры. Это «типичный» Бенуа, а саратовский Сомов как раз необычен. Пейзаж, столь редкий у него, выполнен в абсолютно классической технике и заставляет вспомнить венециановскую кисть. «Пашня» написана Сомовым летом 1900 года близ Нарвы, у Финского залива.

Гаарлемские мотивы Добужинского и венецианские Остроумовой-Лебедевой, фантазии Рериха и Сапунова — это все тоже Радищевский музей, постоянно растущий и развивающийся, так как с самого начала традиция пополнений за счет частных собраний здесь отнюдь не умирает. Ведь совсем недавно в состав фондов влилась превосходная живопись «Мира искусства» и «Союза русских художников», принадлежавшая академику М. Ф. Глазунову, саратовским врачом О. А. Гордеевой была завещана обширная коллекция русского и западноевропейского фарфора, а от москвички Е. П. Разумовой поступил прекрасный дар: работы Нестерова, Корина, Поленова.

Тамара Викторовна Гродскова, директор музея, приводит впечатляющую статистику о научной и реставрационной, популяризаторской и выставочной работе. Только за последние три года больше ста пятидесяти саратовских картин путешествовали в Италию, Японию, Швецию, ФРГ, на Кубу. А сколько было внутриэкспозиционных и выездных, малых и больших выставок, в том числе последняя выставка в Москве, поразившая не только замечательными русскими, но западноевропейскими произведениями живописи!

И действительно, внушительный фонд произведений искусства европейской школы говорит сам за себя. Здешние Вазари и Стомери, Депорт и Буше, Коро и барбизонцы составили бы гордость любой картинной галереи. Италия и Голландия, Германия и Франция — все основные художественные направления представлены в Саратове и стараниями первых дарителей, помощью Эрмитажа и Московского музея изобразительных искусств.

Нельзя не восхититься залами, отведенными европейской живописи, умелой экспозицией, дающей возможность сосредоточиться на том или ином холсте, стильным интерьером, образующим наше восприятие старых мастеров: тут итальянские свадебные кассоны, и дельфтский синий фаянс, и фарфоровые изделия Мейсена, Севра. Тут тяжеловесная барочная мебель из Аугсбурга, венецианский поставец, немецкие крестьянские стулья, тут и деревянная скульптура, лучшая из которой — средневековая, конца XIII века — «Мадонна с младенцем и св. Анной», дает представление о готической эпохе Германии.

Отголоски готики явственно ощущаются и в пятистворчатом складне XV столетия из Ульма на тот же сюжет, а вот лазоревая Италия кватроченто представлена красивейшей мадонной в круге, так называемым тондо, в очень гармоничном, глубоком созвучии темно-красного, коричневого и серо-зеленого цветов.

Как и предписано экспозиционными законами, картины в Радищевском музее молодеют от одной к другой, и вот мы уже оказываемся у холста одного из самых известных и вместе загадочных художников XVII века, Сальватора Розы. Холст этот уже не гармоничен, как итальянское тондо, он видится средоточием противоборствующих сил природы — его пейзаж суров и напряжен, с разорванными тучами и мерцающим предзакатным небом, с огромными деревьями, гнущимися от ветра.

Семнадцатый век в живописи по праву принадлежит голландцам и фламандцам, и тем интереснее саратовское собрание: в нем встречаются имена редчайшие, а то и вовсе отсутствующие в каталогах других отечественных музеев. Так, например, в старонидерландских традициях, на паркетированной доске, написана тонкая композиция Луиса де Колери «Прогулка по набережной», и словно грезой, сном видятся маленькие фигурки дам и кавалеров, их тщательно выписанные костюмы и убранство улицы, вплоть до мелких деталей набережной, к которой причалены карака со спущенным парусом и гондолы. А дальше голубизна неба, город в дымке, гладь канала и цветущие сады с брызжущим фонтаном. Но если де Колери очень редок, то «малые голландцы» Питер ван Ноорт и Арнольд Вербюйс из Радищевского музея просто-напросто единственные у нас в стране.

Говоря о западных картинах в Саратове, опять надо говорить о Боголюбове, о его биографии: учение в петербургской Академии художеств, в Италии и Франции; знакомство с Энгром и Деларошем, Коро и Добиньи — из Парижа он привез двадцать полотен своих европейских современников, реалистов. «Судьба свела меня,— писал основатель музея,— жить в такой чудной плеяде художников, каковой оказалась теперь знаменитая школа 1830 года, как называют ее французы... Коро, Руссо, Тройон, Добиньи — суть родоначальники французской пейзажной живописи, и в редком мастере, их последователе, не заметите их благотворного влияния... Меня очень полюбил художник Добиньи, хвалил мои работы и даже поменялся своим этюдом, на котором написал «offert à Bogoluboff». Этот этюд теперь стоит верных 15—20 тысяч франков и составляет украшение моего Радищевского музея. Изабе сделал то же, что меня немало обрадовало и приобщило коллекционировать картины... еще не помышляя о том, что все это отдам родному городу».

Так в Саратове оказались прекрасные произведения Коро «Замок Пьерфон» и «Дождь», редкий для Тройона пейзаж «Вечер. Стадо овец», так оказались здесь и «Окрестности Парижа» и «Пейзаж в Фонтенбло» Монтичелли, художника, прожившего в нищете и безвестности и получившего славу только после своей смерти, необычайно редкого даже в коллекциях Европы; до поры до времени Радищевский музей был у нас единственный, имевший его произведения. В 1920 году он поделился одной картиной, а именно «Пейзажем в Фонтенбло», с Государственным музеем изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Особое место в истории русской культуры занимает эта галерея в старинном городе на Волге, галерея, основанная Боголюбовым, очень хорошим художником и человеком, внуком Радищева, чтобы «оставить о себе память, возвышая втоптанное в грязь имя деда».

Воспитание культурой, воспитание чувств, ума, воспитание души, совести, наконец. Как важно это всякому человеку, а творцу — в особенности! Вернее, будущему творцу, ибо, не воспитавшись нравственно, даже большой талант никогда не станет настоящим художником. А. П. Кибальников вспоминал, какую роль сыграл в его жизни Радищевский музей, как именно там поразило его творчество великих живописцев Александра Иванова, Сурикова, Репина. Казалось бы, далеко от столиц — и вдруг, как оазис, святилище истинного, очищающего и направляющего искусства.

А рисовальная школа при музее! Она воспитывала не только живописцев — людей. Это утверждают все в ней учившиеся. Знаменитая Боголюбовка... И сегодня, взглянув на молодежь, на то, как начинают светиться глаза людей в чудесных, наполненных истинными сокровищами залах, понимаешь, что этот музей как бы идет от жизни и к жизни, во многом руководя пониманием величия творчества, духовностью целого края России.

Первый наш общедоступный музей, крупнейшее собрание произведений русского, классического западного и советского искусства, школа многих отечественных живописцев. Много содержательности, много нравственного смысла, памяти и надежд в этом предназначении.

И. С. КОЗЛОВСКИЙ,
народный артист СССР

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Н. А. ОБУХОВОЙ

Душа просветленная

Добрая память о каждом человеке определяется той степенью любви и уважения, которые он вызывает у окружающих. И вот здесь вспоминается Надежда Андреевна — моя милая, добрая соседка, ласковая и капризная, наивная и обаятельная. Ее душа, ее пение были такими просветленными, такими доброжелательными, полными такого глубокого значения.

Была ли это общечеловеческая любовь или страдание и боль в трудные минуты за свою страну и свой народ, мольба за униженных и оскорбленных — все мысли и чувства она передавала с присущим ей блестящим мастерством и доносила до слушателей силой своего неповторимого голоса, и прежде всего до нового слушателя, который раньше не бывал в стенах Большого театра.

Я не буду говорить о том, что значило пение Надежды Андреевны, потому что в этом есть и радость, и горе. Радость, когда слышишь знакомые звуки, и горе от сознания, что невозможно ни словами, ни в записях передать подлинное звучание ее живого голоса. Говорить можно только о воздействии ее искусства на тех людей, которые были современниками этой замечательной певицы и этого замечательного человека.

Оттого лучше вспомнить об отдельных эпизодах, отдельных случаях, которые могут дополнить, дорисовать образ Обуховой для тех, кто никогда не видел ее...

Мы были соседями с Надеждой Андреевной более тридцати лет — сначала жили в доме бывших императорских театров, а последние годы в доме на улице Неждановой (бывшем Брюсовском переулке). Надежда Андреевна сильно отличалась от многих артистов Большого театра. На все ее партии готовили дублершу, так как если Надежда Андреевна хотя бы в малейшей степени чувствовала себя не в форме, она категорически отказывалась петь. Мне хотелось бы подчеркнуть это обстоятельство — на мой взгляд, оно свидетельствует об огромной ответственности перед аудиторией. И что же? Жизнь подтвердила ее правоту — менялось начальство, которое хваталось за голову при ее отказах петь и кричало, что с Обуховой трудно строить репертуар, а голос Надежды Андреевны звучал до последних дней ее жизни; она пела, и пела прекрасно.

Сейчас много говорят и пишут о правильном ритме жизни и пытаются установить единый режим, единую школу для будущих певцов, но вопреки этим правилам Надежда Андреевна начинала петь за полночь. Я, как и все люди, люблю тишину, но когда начинал звучать голос Надежды Андреевны, всегда невольно был захвачен ее пением. Часто случалось так: к Надежде Андреевне приходили М. И. Сахаров — замечательный пианист, с которым в течение многих лет было связано и мое творчество,— и скрипач Н. П. Шереметев, начиналось волшебное пение. Я за стенкой, все слышу — не утерплю, шагаю к ним. И тут происходило то таинство сотворчества, таинство отдачи, когда человек вырастает и сам становится богаче. Эти вечера были незабываемыми. Именно в один из таких вечеров у нас родился дуэт «Ночи безумные» с гитарами.

К сожалению, кроме этого дуэта и дуэта Кончаковны и Владимира Игоревича, у нас ничего не сохранилось в записях. А жаль! Я не сомневаюсь, что для многочисленных любителей музыки это представляло бы интерес. И нет вины Надежды Андреевны в том, что ее творчество, отличающееся таким огромным диапазоном, не было запечатлено в записях во всей его полноте. Еще и сейчас существуют люди, которые, испытав в свое время неудачу на поприще искусства, переходят на административную работу. Часто именно от них зави-

сит, будет сделана запись или нет. Их нельзя обвинить в том, что они не понимали значения такого, например, явления в искусстве, как Надежда Андреевна Обухова, но, видимо, им доставляло удовольствие сознание, что и они могут «влиять», разрешать или «запрещать»...

Мне жаль их. Но жаль — гораздо больше — тех людей, во имя которых Обухова самоотверженно трудилась всю жизнь и которые лишены возможности слышать сегодня замечательную певицу во всей полноте ее таланта. Пять романсов Чайковского, уже приготовленные Обуховой, не были записаны. Это невозместимая утрата. Оправдание всегда найдется, но ведь главное в том, что возможность была и она не использована. И наш долг, как это ни прискорбно, на этом печальном примере учиться помогать нашим начинающим в искусстве, заглядывать в будущее.

Когда время от времени на страницах печати возникает беседа об опере, о развитии этого жанра, я вспоминаю Надежду Андреевну, и прежде всего ее исполнение роли Кармен. Ведь Надежда Андреевна в роли Кармен служила ярчайшим доказательством того, что оперный жанр имеет свое неповторимое своеобразие. Существует убедительный язык музыки, пения, и этим языком Надежда Андреевна передавала в совершенстве всю глубину любви и трагедии.

На мой взгляд, исполнение Надежды Андреевны может быть мерилом в споре, какой должна быть опера сегодня и завтра, так как чем меньше будет «бытовой» правды, тем больше будет правды поэтической, музыкальной, закономерной для оперы. И хотя в печати иногда появляются статьи о поисках в современной опере, но внушительная цифра спектаклей, которые увидели свет рампы только один раз (а некоторые и этого не удостоились), свидетельствует о том, что мы еще мало учитываем достижения наших корифеев. И в таких спорах чаще шумят те, которые свое призвание ощущают именно в шуме, а не в гармоническом понимании.

Между тем творческий путь знаменитой певицы, которая получила всенародное признание, может помочь разобраться во многих трудностях и загадках оперного жанра. Не нужно уклоняться от острых вопросов и нивелировать их; это даст возможность избежать пройденных ошибок и ненужных экспериментов.

Каждые четверть века обновляется поколение работников искусства. Взаимное творческое доверие сократит «выкрутасы», тормозящие движение вперед и мешающие истинному пути оперы.

Вспомним корифеев русской советской оперной сцены, вспомним многих, достойных благодарной памяти, поклонимся их таланту, доброте и науке. Мы продлеваем свою творческую жизнь их мастерством. Это и есть закон развития искусства. Чем совершеннее будут спектакли и выступления, тем больше будут невидимо принимать в них участие наши великие предшественники.

...Я помню, ночью звучали кастаньеты, Надежда Андреевна грациозно кружилась вокруг меня, напевая, «Любовь свободна, мир чаруя...». И хотя мне не приходилось петь с ней Хозе на сцене, я был только партнером-репетитором, я сохранил об этих часах незабываемые впечатления.

Мне кажется, что я был удобным партнером для Надежды Андреевны, удобным не только потому, что был ее соседом, но и потому, что мы многое понимали и чувствовали одинаково. И тогда, и сейчас я был рад этому: временами такие репетиции оказывались творчески гораздо богаче и насыщеннее, чем даже некоторые спектакли. Надежда Андреевна была неутомима, она была влюблена в свою роль и увлекала всякого, кто начинал с ней работать...

У каждого артиста есть свой круг почитателей, и какие они разные! У Надежды Андреевны, конечно, были и поклонники очень почтенного возраста — «старая Москва», но были и юноши, и девушки, которые приезжали на ее выступления даже из других городов. Некоторых из них я знал. Это те, которые еще раз заставляют, когда вы трудитесь над тем или иным произведением, возвратиться к инструменту, еще раз подумать, пока не придете к тому или иному решению. Любовь и восхищение этих людей заставляют артиста быть еще требовательнее к себе.

«Царская невеста». Н. Обухова — Любаша.

«Кармен».

...В 1961 году на Украине объявлено несколько моих концертов. В середине августа мы были в Каневе, на могиле Шевченко. Оттуда мы собирались по Днепру проехать в Черкассы. И вдруг телефонистки стали разыскивать меня по городу и по району, чтобы я поговорил с Москвой. Узнав, что меня вызывает Москва, я, естественно, подумал, что речь будет идти о новых выступлениях. И в голосе моем, видимо, почувствовалось раздражение, ведь так хотелось побыть у Днепра, а телефонные звонки означали какие-то новые обращения и обязательства. Но я услышал скорбную весть...

Узнав о смерти Надежды Андреевны, я выступил только на одном концерте и на рассвете уехал в Киев, а оттуда самолетом в Москву — отдать последний долг любви и поклонения дорогому человеку.

В те тяжелые дни я, как никогда, ощутил сочувствие многих людей, их теплоту и поддержку. Даже когда пришлось отменить концерты, мне все время звонили и говорили, что понимают меня, что это наше общее горе, горе для всех, кто любит искусство.

Странно устроен человек: и в горе он может найти утешение и ощущение теплоты, доброго человеческого отношения. Ведь когда последний раз рука Надежды Андреевны держала перо, она писала обо мне. Через несколько часов она ушла из жизни. Письмо так и осталось в Феодосии на столе в маленькой комнатке на улице, теперь носящей ее имя.

А. Иванов-Крамской, Н. Обухова, И. Козловский. Звучит романс «Ночи безумные».

Владимир ЕНИШЕРЛОВ

«РАМПА есть линия огня»

СПЕКТАКЛЬ «СЕРЕБРЯНАЯ СВАДЬБА» ВО МХАТе

«Театр есть та область искусства, о которой прежде других можно сказать: здесь искусство соприкасается с жизнью, здесь они встречаются лицом к лицу; здесь происходит вечный смотр искусству и смотр жизни <...> рампа есть линия огня; сочувственный и сильный зритель, находящийся на этой боевой линии, закаляется в испытании огнем. Слабый развращается и гибнет. Искусство, как и жизнь, слабым не по плечу»,— писал в год революции А. Блок.

Главный режиссер МХАТа О. Н. Ефремов, осуществив постановку пьесы Александра Мишарина «Серебряная свадьба», вынес на «линию огня», бесстрашно обнажил перед зрителями проблемы и конфликты, которые во многом определяют современную жизнь нашего общества. Заметим, чувство времени и острая проблемность отличают последние работы А. Мишарина. Достаточно вспомнить, какой резонанс у критики и зрителей имела его пьеса «Равняется четырем Франциям». Недавно сам драматург хорошо сказал, что создает свои произведения «в глубине предыдущего времени, обращаясь к временам приходящим». Это еще раз подтверждает старую истину, что художник ощущает колебание общественной почвы, чувствует социальную дисгармонию, неблагополучие раньше обычных людей. И если он честен и смел, если он не только поэт, но и гражданин, то свои идеи, мысли и сомнения, несмотря ни на что, он стремится донести до читателя, зрителя, слушателя. Непросто жить в искусстве с толстовским девизом «Не могу молчать», но именно люди, следующие в своих делах и поступках этим словам, определяют прогресс общественного сознания. «Каждый художник, я думаю, должен быть публицистом в душе»,— говорил Н. Михайловский. Для русских писателей всегда была особенно характерна эта черта. Не стало исключением и наше время. Федор Абрамов, Сергей Залыгин, Евгений Носов, Борис Можаев, Василий Белов и другие писатели активно поднимали и поднимают острые вопросы современности. «Само время требует публицистики,— отметил недавно Валентин Распутин.— И активность ее говорит о подготавливающихся в глубинах жизни общественных и социальных переменах...»

Спектакль МХАТа «Серебряная свадьба» откровенно публицистичен и этим перекликается с одним из наиболее значительных литературных произведений последнего времени — повестью В. Распутина «Пожар». Вопрос «Как дальше жить?» преследует героя «Пожара» Ивана Петровича Егорова, ощутившего трагический «край», на котором оказалась жизнь в леспромхозовском поселке Сосновка. Такой же вопрос звучит и в финале «Серебряной свадьбы» со сцены Художественного театра. Его задает мать главного героя, бывшая учительница, одна из первых комсомолок, в образе которой (его создает Ангелина Степанова) сконцентрирован нравственный нерв спектакля. «Так хочется посмотреть, как вы там дальше жить будете?» — спрашивает она, и тревога, и надежда звучат в ее словах.

Это спектакль тревожных вопросов, и к нему нельзя, как это уже случилось в некоторых опубликованных отзывах, подходить лишь с точки зрения сиюминутной. Воплощая на сцене первого театра страны пьесу «Серебряная свадьба» (в альманахе «Современная драматургия» она была опубликована в несколько ином варианте под названием «В связи с переходом на другую работу»), О. Н. Ефремов, как нам представляется, пытался дать социально-психологическое исследование нашего общества, сказать не столько о достижениях, сколько о боли и ошибках нашей жизни. Это тот прямой, честный и необходимый художественный анализ, что достоин Художественного театра и который имел в виду Ф. Шиллер, говоривший, что суд театра начинается там, где кончается суд законов.

...Старинный дальний русский край, бушует за окнами дома секретаря райкома партии Павла Романовича Важнова буран, пурга заметает многометровым слоем снега все окрест. У спектакля есть своеобразный эпиграф — отрывок из хоровой поэмы композитора Т. Мынбаева на слова стихотворения Пушкина «Бесы» — «Мчатся тучи, вьются тучи...». Конечно, МХАТ далек от того, чтобы таким образом лишь передать атмосферный катаклизм, обрушившийся на этот «медвежий угол». Известный всем со школьных лет трагический смысл пушкинского стихотворения (вспомним, что строки из него взял Достоевский эпиграфом к своему роману) точно настраивает зрителей на ту волну, передает тот «музыкальный ритм», которые и будут диктовать дальнейшее действие.

В роскошном, выстроенном по собственному проекту доме Важнова (его играет П. Щербаков) готовится празднование серебряной свадьбы. Уже двадцать пять лет живет он верно и дружно со своей супругой Лидией Васильевной (актриса А. Вознесенская). Но нет покоя на душе ни у хозяев, ни у собирающихся гостей. Из Москвы дошла весть, что освобожден от занимаемой должности в связи с переходом на другую работу Геннадий Георгиевич Выборнов, когда-то бывший здесь начальником рудника, секретарем райкома ушедший «на повышение» в область, а затем и в столицу. И хотя уже двадцать лет не был Выборнов в родных краях, его присутствие ощущалось тут едва ли не ежеминутно. Спокойно чувствовали себя выдвинутые им некогда руководители района — секретарь райкома Важнов и председатель райисполкома Голощапов. В делах правых, а чаще неправых поддерживало их сознание, что в случае чего Геннадий Георгиевич защитит, в обиду не даст. Потому и прозвучала для них как гром среди ясного неба весть об освобождении Выборнова, и почва начала уходить из-под ног. Так затягивается основной узел социального конфликта пьесы.

Но в спектакле вызревает и еще один конфликт — нравственный — конфликт героя и матери, которая те же двадцать лет не видела своего сына, обремененного государственными заботами. Не случайно ее, старую учительницу, не один раз называют по ходу действия «праведница». Именно в ее словах, обращенных к сыну, слышны тревога и боль, определяющие публицистическую силу спектакля: «...Помню, как школу открывали... Я в красной косынке учу бородатых мужиков грамоте: «Мы не рабы, рабы не мы!» А теперь вокруг все по-другому. Никто никого не слышит! Все о себе, все о себе! Неужели и ты такой стал?! Страшно, Гена. Как вы живете?! О совести, о душе забыли! Опомнитесь! Ведь это мать тебе говорит».

Роль Выборнова, после похорон матери появляющегося в доме Важнова, играют во МХАТе два великолепных актера — Олег Борисов и Евгений Евстигнеев. Об игре О. Борисова, полно раскрывающего драму своего героя, сказано критикой уже немало.

Выборнов в исполнении Е. Евстигнеева поначалу даже как-то тушуется, он незаметен, зажат, ему явно не по себе среди этих людей, которых он когда-то близко знал, выдвигал, но которых, по сути, давно позабыл. Как бы из иного мира спускается он в простую жизнь, на «край света», туда, где остались его корни. Постепенно прозревает герой Евстигнеева, и перед зрителями проходит трагедия человека, начинающего осознавать тяжесть совершенного им, казалось бы, во благо. Ведь это он, Выборнов, будучи во время войны начальником рудника, пожертвовал жизнью засыпанных во время обвала рабочих, для того чтобы не останавливать производство; он требовал и добивался невозможного от председателей колхозов, когда руководил районом; он умел жестко заставить подчиниться работников, когда был в области; он не помог попавшему в беду журналисту Серафиму Полетаеву, редактору районной газеты, которого фактически уничтожили за критику бывшие друзья — Важнов и председатель райисполкома Кронид Захарович Голощапов (его роль играет О. Табаков). И в конце спектакля взрывается Выборнов. В его яростном, страстном монологе концентрируются гнев и боль человека, многое понявшего и пытающегося честно взглянуть на пережитое. Самый главный вывод, который делает для себя Выборнов, казалось бы, банален, но для человека его социального и психологического типа оказывается неожиданным открытием: «Только по приказу сверху человек не освобождается. Изнутри надо. Изнутри». Вот этот скрытый процесс внутреннего освобождения и стремится выявить в героях А. Мишарина режиссер О. Ефремов.

И еще одну вину ощущает и тяжело переживает Выборнов. Он, по сути, породил этих руководителей района — честного, но недалекого Важнова и его злого гения — умного, хитрого, циничного, не останавливающегося ни перед чем в достижении своих целей Кронида Захаровича Голощапова. Но если П. Щербаков, играя роль Важнова, все же находит у своего героя человеческие черты, позволяющие надеяться на его нравственное перерождение, то О. Табаков создает образ законченного циника и подлеца. Достаточно видеть, как буквально на глазах меняется его Голощапов, когда вроде бы из верных источников узнает, что Выборнов снят с работы, как изменяется его тон, манера говорить и держаться, как начинает он хамить бывшему благодетелю. Когда-то сам Выборнов «двинул наверх» своего шофера — Павла Важнова и понравившегося ему веселого морячка Кронида Голощапова. Теперь они власть — секретарь райкома и председатель райисполкома. Типичный механизм их возвышения, их карьеры раскрывает председатель колхоза Сирый, напоминая Выборнову: «Расплатился ты с Павлушкой! И с Голощаповым, что тебе животину в Казахстане закупал под отчетную цифру. Да мало ли с кем! И с Берендеевым бывшим тоже широко поступил — на свое место рекомендовал. А он уж нас всех — от мала до велика. По заслугам! По креслам! Сам приезжал поддержать Павлушку на конференции. И потом все годы тоже не забывал... А морячка твоего так уж подсаживал, так подсаживал. Чуть в область не взял. Да только самого попросили».

Прошли десятилетия, и оказалось, что ошибся он в выборе. Ошибся жестоко. Слишком поздно понял Выборнов, что мало быть хорошим шофером, услужливым человеком или веселым морячком, у которого «душа нараспашку», чтобы иметь право руководить людьми. И горько звучат его слова, обращенные к Важнову: «Нет, Павлуша, оставался бы ты лучше шоферней! И его бы (Голощапова) за стол к себе не сажал. Брезговал бы». Выборнов говорит наконец правду, говорит все, что он думает о своих бывших друзьях и выдвиженцах, но к этой правде пришел он непростым путем. Он понял, как дорого обо-

Н. Гуляева и Е. Евстигнеев в спектакле «Серебряная свадьба».

Фото И. Александрова

шлась его ошибка людям, которые зависели от Важнова и Голощапова, а самое главное, делу, которое они, по сути, предали. И потому беспощадно судит их, а стало быть, и себя: «...Вы что тут себе позволяете? Думаете, я уже ничего не вижу? Ничего не понимаю? Царьки! Воеводы местные!.. Все о себе! Все для себя!.. Только чтобы кресло свое не потерять! Власть свою не упустить!.. Забыли, для чего все это?! Зачем вы здесь?» Так театр ставит важнейшую проблему, решив которую только и можно идти по пути осуществления сдвигов исторического масштаба, которых требует время. МХАТ в данном случае обнажил ситуацию типическую. Недавно член Политбюро ЦК КПСС, секретарь ЦК КПСС Е. К. Лигачев в речи на отчетно-выборной партийной конференции в Баку сказал: «...Кое-где в ход пускаются чуждые кадровой политике партии приемы отбора работников. Знание людей подменяется знакомством; связь с народом — личными связями; умение найти способных организаторов — готовностью замолвить словечко за друга, порадеть родственнику, земляку. На такой почве и вырастают семейственность, лесть и карьеризм. И как раз в такой обстановке привольно чувствуют себя люди, у которых, по выражению Салтыкова-Щедрина, на языке «государство», а в мыслях «пирог с казенной начинкой».

Несомненна политическая актуальность спектакля Художественного театра. И особую нагрузку несет в нем образ председателя колхоза Василия Васильевича Сирого, которого выразительно и очень тонко играет В. Невинный. Трудно согласиться с Ю. Дмитриевым, который определил в «Литературной России» героя В. Невинного лишь как тороватого председателя колхоза-миллионера и упрекнул актера в том, что он недостаточно раскрыл драму Сирого, находящегося в подчинении у людей равнодушных, не болеющих за дело. Нет, Невинный играет, и драматург предоставляет ему эту возможность, человека умного, болеющего за порученное и, несмотря ни на что, дело свое делающего хорошо. Актер создает характер сложный, не обделенный народным юмором, смекалкой. И самое главное — его герой умеет думать. Этот председатель единственного в районе хозяйства, дающего доход, все понимает, он мыслит на уровне современности, но связаны обстоятельствами его руки. «Я любого инструктора боюсь,— в минуту откровенности делится он с Выборновым.— Перед любой пигалицей из райфо в грязи на коленях готов ползать!»

Да, Сирому приходилось и хитрить, и изворачиваться, и приспосабливаться — лишь бы не дать победить голощаповскому методу хозяйствования, сохранить колхоз и делать то, для чего он предназначен судьбой. Это именно тот тип руководителя, которому строить экономику на новом этапе,— инициативный, компетентный, думающий о людях и живущий для людей. А перенести за минувшие десятилетия Василию Васильевичу Сирому пришлось немало, и он знает цену своим достижениям, не отмеченным ни орденами, ни другими высокими отличиями. «...Ты меня с ними не равняй,— гордо, с достоинством заявляет он.— У меня каждый год хлеб! Не то что у других. Животноводство, а у других падеж. Четыре тысячи двести литров на корову, а у других две с трудом! Только все равно я у них кругом виноват. Виноват, что с жильем почти хорошо. Не переманивай людей у слабых хозяйств лучшими условиями жизни. Еще виноват, что гостиница, Дом культуры, детские сады — два! Создаешь себе ложный авторитет, идешь за народом. Хвостизм...» Театр смело противопоставляет демагогию и дело, подчеркивает коренное различие в стиле работы вчерашнего дня и дня сегодняшнего, когда существенно изменилась общественная атмосфера, когда в стране веет ветер перемен.

В какой-то момент в спектакле МХАТа обнажается, на наш взгляд, многое определяющая коллизия. Столкновение двух стилей, двух мировоззренческих позиций — Сирого и Голощапова. И если кредо Сирого — вера в людей и работа для людей, то Кронид Захарович Голощапов не таков. Он искренне негодует: «Когда у нас это кончится? А? Сколько лет народ вели, мобилизовывали, держали, и что? Все зря? Назад поворачивай? Реставрируй? Да уж и так повернули, все отдали. Приусадебные участки — назад! Личный скот — назад! Скоро, гляди, докатимся, что и землю назад раздавать будем. И все — стимулируем, заинтересовываем да стимулируем... Распустили народ! Распустили!»

Голощапов мечтает о порядке, основанном на страхе, дисциплине, зиждущейся только на принуждении. И совершенно определенный исторический образ является его мысленному взору под сенью серебристых елей, посаженных Важновым у райкома, чтобы было «почти как у кремлевской стены».

Другие герои спектакля — и Сирый, и Важнов, и Выборнов — ориентируются на иную правду. Выборнов все время помнит слова покойной матери: «Власть без совести — бессовестная. Совесть без власти — бессильная»,— и в принципе отрицает порядок, удерживаемый страхом. «Все порядка хотят? Только какого?.. Чтобы на страхе держался? Это мы можем... А дальше-то что?» Постепенно, проникая в психологию героев, выявляет театр острый мировоззренческий антагонизм действующих лиц пьесы.

Шумит пурга, гонит и гонит ветер тучи над хоромами секретаря далекого райкома. Не задалась его серебряная свадьба, тревога гложет сердце Павла Романовича, не может он даже привычно вычитать в газетах ответы на внезапно возникшие, мучающие его вопросы, хотя привык еще со времен техникума читать газеты с красным карандашом, дабы важного не упустить. Неспокойны и гости в доме Важнова, да и сам дом становится неожиданно центром споров и забот. Выстроил его Павел Романович с помощью советчика и друга Голощапова, не то что незаконно, а, как то, увы, нередко случалось, используя привилегии своего служебного положения. И пришло время за это отвечать. Обидно, да и не для себя строил-то, для матери — Устиньи Карповны труженицы-сибирячки, проработавшей всю жизнь и так мечтавшей о просторном, светлом доме. Н. Гуляева, играющая роль матери Важнова, создает характер сильный, деспотичный, в чем-то противоречивый и этими противоречиями особенно интересный. Ее героиня убеждена, что и сын ее, и сама она заслужили такой дом, и на слова Важнова, что отдаст он его государству, Устинья Карповна бросается в борьбу за свое, нажитое. Сцену, где она швыряет на пол и топчет сорванную из красного угла фотографию Выборнова, на которую буквально молилась, как на икону, актриса проводит с предельным напряжением и достоверностью.

...В финале спектакля Геннадий Георгиевич Выборнов отбывает в Москву для принятия нового высокого назначения. Сможет ли он, без сомнения, много понявший за последние дни, жить и работать по-новому? Вопрос этот, естественно, остается без ответа. Ясно одно: на новом витке исторической спирали существовать и действовать будет Выборнову и ему подобным непросто.

Справедливо и строго сказал верный своим принципам и традициям Художественный театр о проблемах нашего времени спектаклем «Серебряная свадьба», и потому нет равнодушных среди его зрителей.

Сердце поэта

ТВ

Служение своему народу, борьба... Так жил палестинский поэт Муин Бсису. Таким и представило его нам белорусское телевидение в передаче Литературного театра — «Я пришел, чтобы назвать твое имя».

Жизнь поэта... Муину Бсису было двадцать лет, когда его родина — Палестина попала под израильское иго, а его народу досталась горькая и унизительная доля изгнанников. Но народ не покорился. Его судьбу разделил и поэт.

Получив в Египте образование, Муин Бсису возвращается на родину. Учительствует и участвует в революционной борьбе палестинцев. Его оружие — стихи. «Не кланяюсь кумирам двух религий — ни всенародно, ни исподтишка»,— с гордостью произносит он. «Бить в барабан, пока продолжается революция»,— провозглашает он свое поэтическое кредо. Враги заточают бунтаря в тюрьму, после тюрьмы он проходит испытание концентрационным лагерем.

...Напряженно, энергично развивается спектакль. Журналист ведет рассказ о мужественном поэте. Пять лет из девяти, проведенных в заключении, одиночная камера служит ему рабочим кабинетом, трибуной, огневой точкой на переднем крае фронта. «Стихи писал на стенах, чтоб людям было видней...»

«Борьба» — так назвал Муин Бсису свой первый поэтический сборник. Более подходящего названия такой книге не дашь. В борьбе суровой, всепоглощающей прошла его жизнь. Смерть настигла его в пути. Все, что он успел сделать, сделано во имя торжества справедливой, возвышающей идеи.

Университетская работа Муина Бсису — о Байроне. Юный палестинец завидовал судьбе великого английского поэта, отправившегося защищать вольнолюбивую Грецию. Теперь имя Муина Бсису в одном ряду с именами Гарсиа Лорки, Назыма Хикмета, Пабло Неруды. Сходны судьбы, одинаково понимание цели творчества и долга перед своим народом.

...Поэзия Муина Бсису. Ее эмоционально и точно, предельно публицистично, на высокой оптимистической ноте передают авторы фильма-спектакля: режиссер Наталья Артимович, художник Елена Шкаева, оператор Гаррий Архипов. Неповторимую тональность, патетическую и вместе с тем душевную, лирическую, задали спектаклю заслуженный артист Белорусской ССР Александр Денисов — Журналист и артист Михаил Мамедов — Поэт.

В спектакле звучат слова Муина Бсису о Советском Союзе. Искренние, сердечные слова. Он любил нашу страну, дорожил ее поддержкой, которая помогла поэту обрести веру в правое дело, служила ему маяком в трудной дороге, вдохновляла лучшими традициями революционной поэзии братских народов СССР.

...Война. На экране искалеченные арабские ребятишки, пожары Бейрута, чужие самолеты в родном небе. На экране гневные лица палестинцев, не сломленных злодеяниями врага, продолжающих сражаться за родину, за свободу. В их стойкости, решимости победить, в их ненависти и в их готовности идти ради свободы на жертвы и муки бьется живое сердце Муина Бсису. Спектакль «Я пришел, чтобы назвать твое имя» напомнил об этом. Своевременно. Талантливо и умно.

А. ЩЕРБАКОВ

Фото А. Дмитриева

Бывает, люди говорят:
Что за явленье — бюрократ!
Что он за зверь,
за существо!
А может, вовсе... вещество!..

Нет, бюрократ не вещество,
Скажу определенно я.
Нет, бюрократ
есть существо
Но неодушевленное.

Дм. ДЕМИН

Рис. КУКРЫНИКСЫ

Спецполоса на борту

С. КАЛИНИЧЕВ,
собкор «Огонька»

У меня особое отношение к словечку «спец». Когда я вижу, как из магазина выносят аккуратно упакованный «спецзаказ», понимаю: несут то, чего нет на прилавке. На двери ресторана вывешена табличка «Спецобслуживание» — значит, надо швейцара так задобрить, чтобы впустил. А «спецучасток», ну, скажем, на мебельной фабрике, это вроде бы обычный участок, на котором, однако, делают более качественную мебель, которую я почему-то не встречал в магазине.

Одно оставалось непонятным: что означает надпись «специальная» на борту легкового автомобиля? Однажды не удержался, поднял руку. «Специальная» остановилась. Водитель спросил:

— Куда?

— На вокзал.

— Два рубля.

Довез... В другой раз останавливаю микроавтобус — тоже спецназначения, тоже с полосой на борту. Поехали в аэропорт. Водитель запросил пятерку. Наценка за надпись?..

Бегает по Киеву «Волга» с надписью «лаборатория Минвуза». Должно быть, на ходу опыты ставят: на Крещатике одну пробирку встряхнут, на Подоле другую... А вот машина «дефектовочная» бывшей Госкомсельхозтехники. Выискивает, должно быть, где на мосту Патона застрял зерноуборочный комбайн или сломалась сенокосилка? Есть над чем задуматься, и когда встречаешь на городских улицах «передвижную экономическую лабораторию» Института зоологии. Может, бродячих собак подсчитывают?

Еще больше вопросов от встречи со специальным УАЗиком с полтавским номером 23-26 ПОО, с «Волгой» с житомирским номером и полосой — «дорожная служба». Тут даже автоинспекция не удержалась, остановила эту машину. Водитель объяснил, что машина из Овруча, принадлежит тамошнему дорожно-строительному управлению, а везет в столицу сотрудников нефтебазы. Непонятливым, не находящим связи между ДорСУ и нефтебазой, добавляет: «Горючее мы у них берем? Вот они и попросили у нас машину, чтобы съездить в Киев». А то, что машина специальная, для перевозки пассажиров никак не предназначенная, водителю, равно как и его начальству, похоже, даже в голову не пришло.

Находившийся в обществе нескольких дам шофер «специальной геодезической» 67-30 КИЕ собственноручно записал в протоколе: «Вез жен сотрудников по просьбе сотрудников для встречи на вокзале». Водитель микроавтобуса, принадлежащего госпиталю инвалидов Великой Отечественной войны (машины специального назначения, как указано в техпаспорте), объяснял задержавшим его сотрудникам ГАИ, что вез работников госпиталя из Киева в Богуслав на охоту...

Ну и дела!..

Интерес к теме возрастал и привел меня в киевскую Госавтоинспекцию. Там корреспондента встретили с большим пониманием еще и потому, что сотрудники автоинспекции по заданию горисполкома и совместно с Комитетом народного контроля уже не первый год пытаются навести порядок в использовании спецмашин. Борьба идет с переменным успехом, но общий счет не в пользу порядка.

...Как мне объяснили, специальный легковой автомобиль в отличие от обычной персональной машины может разъезжать в любое время суток, в любой день недели, пробег его не ограничен. И вот некоторые руководители, желая заполучить такие удобные колеса, начинают выдумывать-придумывать и обосновывать производственную необходимость в них. Составляют справки, доказывают. Нередко покупают дорогое «спецоборудование» в салон. Но как только машина проходит регистрацию в ГАИ, приборы выбрасываются.

О масштабах явления можно судить по тому, что только в 494 автохозяйствах Киева имеется около четырех тысяч (!) специальных легковых автомобилей. Пятую часть их исключим — это машины «Скорой помощи», которые, как правило, используются по своему прямому назначению. (Но иногда развозят и «леваков», о чем свидетельствуют протоколы ГАИ.) Работники народного контроля и автоинспекции проверили, чем заняты около двух тысяч легковых спецмашин из 384 автохозяйств, и пришли к выводу, что более тысячи трехсот из них не имеют никакого дополнительного оборудования, — это обычные легковушки; 263 авто никогда, даже для отвода глаз, хотя бы для галочки в ведомости, не использовались по назначению. Только выявленный и доказанный «левый» пробег за восемь месяцев составил больше двух миллионов километров. Истинные же масштабы автоспецнаглости не знает никто, потому что, как сказано в документах горисполкома, «в 290 хозяйствах отсутствует документация учета работы автомобилей, расходов горючего и средств на их содержание». А общий вывод? Девять десятых из проверенных спецмашин используются, как сказано в документах, «с нарушениями»...

Тут следует особо заметить, что оценки и выводы в этих документах весьма осторожные. И тому есть причины... Может, и вы обратили внимание, что проверялись не все автохозяйства? Более ста избежали проверки. Какие именно автохозяйства? И почему? Сотрудники горисполкома уклонились от прямого ответа. Пояснил все мне народный контролер, пенсионер-общественник. Не проверялись те базы, которые подчинены Совмину, Госплану республики, Министерству юстиции...

И еще рассказал, что проверка и в других организациях проходила весьма болезненно. За спецмашины, которые фактически стали бесконтрольным личным транспортом, каждый боролся как за свое кровное, искал покровителей, организовывал звонки «сверху»... Вот откуда в официальных документах горисполкома такие осторожные и приблизительные оценки. В пухлых папках актов лишь единицы таких, как, скажем, из стройуправления № 1 треста «Строймеханизация», где без обиняков сказано, что есть два легковых спецавтомобиля: один возит начальника, а другой — главного инженера. Коротко и честно, как и следовало бы писать почти (за редчайшим исключением) во всех остальных случаях. Увы! Чаще всего в акты вписываются утверждения, что спецмашина использовалась не по назначению только в злополучный день проверки. Такое вот совпадение! Зато в другие дни... Попробуй докажи обратное.

Проведя глубокую и серьезную проверку (далеко не всех автохозяйств), Киевский горисполком в начале февраля нынешнего года принял соответствующее постановление. Согласно ему, теперь на каждом спецавтомобиле должен быть бортовой журнал с перечнем дополнительного оборудования, местом и регламентом работы, списком лиц, которые эту работу могут выполнять. Теперь сотрудники ГАИ, выявив какие-то несоответствия с указаниями в бортжурнале, имеют право запретить эксплуатацию машины. У обладателей дополнительных спецколес появились дополнительные трудности. Надолго ли?

Проблема эта не локальная, не одного какого-то города или района. Спасибо Киевскому горисполкому, что он не мирится с расточительством. А как в других городах и весях? Видимо, нужны какие-то меры общего характера. Какие? Запретить? Отобрать? Но если, скажем, у того чистосердечного начальника стройуправления отобрать спецлегковушку, он завтра снимет с линии самосвал и поедет куда ему надо. А отберите у директора автохозяйства персональную «Волгу» с надписью на борту «линейный контроль»... Не станет ли он ездить с работы домой, и по вызову в трест, и к другу на именины в огромном, как вагон электрички, «Икарусе»! Каждый знает, что украсть 50 рублей у государства нехорошо. А взять спецмашину с водителем и погнать на ней в другую область — это нормально?

Сам дух такого явления убедительно высказал замдиректора Киевской станции технического обслуживания-5 А. П. Савченко. Когда автоинспектор попросил его выйти из «Волги» с надписью «лаборатория Минавтопрома», ему слов не хватило для выражения своего возмущения.

— А вы считаете, что я пешком, что ли, ходить должен?! — гневно наступал он на сотрудника ГАИ.

Его возмущение было искренним и глубоким...

...Но не является ли затронутая проблема частью другой — персональных машин и личных водителей. Их в Киеве уже не четыре тысячи, а в несколько раз больше. Если подсчитать водителей, слесарей, диспетчеров, учетчиков и заправщиков... «Пермашина» стала своего рода мерилом престижа.

Решение вопроса надо искать. Может быть, исходя из современного взгляда на проблему бережливости, на вопросы нравственности и этики, пересмотреть, кому что положено и кому не положено? Если в наш век даже школьники учатся обращению с компьютерами, то взрослые люди должны уметь обращаться с легковым автомобилем. Пусть садятся за руль. В некоторых случаях (я знаю примеры с колхозными специалистами) предприятие могло бы помочь сотруднику купить собственный автомобиль и компенсировать расходы на горючее, если по характеру работы этот человек много разъезжает. В иных случаях предоставлять бы автомобиль без водителя для деловых поездок.

Было время, когда некоторым должностным лицам вместо персонального автомобиля выдавали талоны на оплату такси. Это, конечно, выгоднее, чем закреплять водителя и машину для обслуживания одного лица, но чем закончился эксперимент, вы знаете? Я тоже не знаю...

Автомобиль — не роскошь — говорили наши известные сатирики. При этом они, конечно, не имели в виду персонального водителя, который с каждым годом становится все более дорогой роскошью.

Киев.

В. ФИЛАТОВ,
полковник

Фото Л. ЯКУТИНА

МЕСТО ПОДВИГА — АФГАНИСТАН

Вернувшись из района боевых действий, я встретил знакомого офицера. Он сидел в машине и аккуратно заворачивал в бумагу коробку конфет.

— На свидание?— пошутил я.

— К больному,— серьезно ответил он.— Надо навестить одного афганца.

Я подивился, что афганец находится в советском медицинском учреждении, потому что знал: для афганских солдат и офицеров есть афганские госпитали с прекрасным медицинским персоналом и современным оборудованием.

— Тут случай особый,— пояснил мой знакомый.— Не к солдату мы едем и не к офицеру, а к душману. Мы его взяли вчера утром... А душману тому — пятнадцать лет. Мальчишка. К тому же ранен здорово в бедро. Мы его доставили на вертолете. Мальчонка истекал кровью. Каждая секунда была дорога. Я его на руках нес до вертолета и от вертолета до хирургического отделения. Обещал, что навещу. Нельзя не навестить. Пацан ведь...

Когда мы приехали вместе, мальчишки из душманской банды здесь не оказалось: афганские врачи забрали его, как и положено, в свою больницу, но в какую, никто толком не знал. И тут я вспомнил про полковника медицинской службы Мухаммеда Мусу. С ним я познакомился в первый приезд в Афганистан два года тому назад. Интересной судьбы человек. Окончил еще до Апрельской революции Военно-медицинскую академию имени С. М. Кирова в Ленинграде. За шесть месяцев до революции вернулся домой, стал начальником травматологического отделения Центрального госпиталя. До падения кровавого Амина трижды сидел в тюрьмах Кабула. Революцию встретил в операционной. В тот день он сделал восемнадцать операций — раненые с баррикад. Так Муса сражался вместе со всеми в первый день революции.

Он первый доктор медицинских наук в Афганистане. Мы застали его в рабочем кабинете. Обнялись. Потом Муса куда-то звонил, с кем-то говорил, что-то проверял, уточнял, выяснял. Наконец сказал:

— Нашелся парнишка. Поехали...

Мальчишка из душманской банды лежал на спине, по пояс в бинтах. Звали его Ник Мухаммад. На тумбочке стоял маленький заварной чайник и пиала. Кто-то пошутил: раз афганец пьет чай, значит, у него все в порядке. Ник охотно рассказывал нам свою историю, Муса переводил. Да, был в банде. Как туда попал? Ездил к тетке в кишлак под Гардезом. Ночью пришли мужчины, сказали вставай и спросили: «Заработать хочешь?» «Кто ж не хочет, но я кабулец, домой надо». Тогда они сказали: «Собирайся, пойдешь с нами». Двое суток держали в горах. Потом погрузили на верблюдов тюки, ящики и пошли в сторону Кабула. Там напоролись на патруль. Начался бой. Ник помнит, как обожгло ему пулей бедро. Упал. Накрылся стареньким лонги — узенькой полосной материи. Когда душманы поняли, что надо все бросать и уходить, иначе полягут под пулями солдат афганской армии, они пристрелили верблюдов, потом мальчиков-грузчиков, захваченных в кишлаках вблизи Гардеза, добили своих раненых. «Я видел все это из-под лонги. Они бы и меня убили, но подумали, что я мертв»,— рассказывал Ник.

Позже я узнал от афганских и советских солдат, участвовавших в том бою, что раненых добивали выстрелами в лицо, чтобы не смогли опознать, кто откуда: тогда можно было бы выйти на след их базы.

В этой же палате лежал Саед Абдулла. Он тоже ранен, в ногу. Ему нет и семнадцати. Саед — студент техникума нефти и газа, член Демократической организации молодежи Афганистана. Ранение он получил в бою с душманами. Семестр почти у всех студентов Афганистана как бы разделен на две части: одна — это учеба в классах и аудиториях, вторая — защита с оружием в руках Апрельской революции.

Спрашиваю у Саеда:

— Общаетесь с Ником?

— Нет. Пусть полежит, осмотрится. Потом будем говорить. По-моему, неплохой парень. Поможем.

Когда мы вышли из больницы, я спросил своего друга, не видит ли он противоречия в том, что конфеты получил Ник, а не Саед.

— Во-первых, про Саеда я не знал, иначе б, конечно, прихватил гостинец и для него. А во-вторых, помогать надо слабому. Сегодня слабый Ник. Парень даже читать не умеет, как ему разобраться во всем? Для него вся жизнь воспринимается не через лозунги и призывы, а через поступки людей. И демократия, и социальная справедливость, и социализм — все. Мы для него люди из другого мира. И от того, как мы будем поступать, зависит, захочет он жить в этом мире или нет.

* * *

...Тот боевой выход начался в три часа ночи. Через полчаса мы втянулись в зеленую зону — сады вперемежку с дувалами, полуразрушенными стенами караван-сараев. Обычно оттуда бьют душманы. Но на этот раз было тихо. А когда кончилась зеленая зона и нас обступили горы, справа и слева от колонны стали рваться термитные ракеты. Для танка или БТРа они особой опасности не представляют, но для бортовой машины — похуже, чем осколочные, потому что поджигают. Впереди и сзади уже что-то горело. В который раз слышу в наушниках: «Идти строго по колее. Идти строго по колее. Кругом мины, обочина сплошь заминирована».

Так и двигались. Остановились перед наступлением темноты. Ночь, но нет ночной тишины. Кругом гудело и дрожало от взрывов и залпов. Душманские мины и ракеты прилетали из-за ближайших гор и хребтов.

Утром двинулись дальше. С каждым километром напряжение возрастало, потому что мы вступили, как здесь говорят, в душманский край. Рядом пакистанская граница — вот и изображают душманы себя здесь хозяевами. Им даже удалось блокировать небольшой гарнизон афганской армии. На выручку его и шла наша колонна.

Но мало было прийти к ним, надо помочь разблокировать всю прилегающую к гарнизону зону. Этим и занялись. Особенно тяжелым был первый день. С ближайших гор гарнизон отлично пристрелян. До нашего прихода афганским солдатам головы не давали поднять. Обстрел шел беспрерывно. Кто-то упал, кто-то побежал. Когда я увидел радиорелейную машину, возле ее колес лежало трое раненых афганских солдат. А над ними... женщина. Она быстро и ловко обрабатывала раны, умело накладывала бинты. Кругом ад, а она улыбалась. Звали ее Галина Васильевна Кислицына. Она медицинская сестра медпункта. Выпускница Яранского медучилища Кировской области. До Афганистана работала в детской больнице. Здесь уже второй год.

— Часто бываете в боевых выходах?— спросил я.

— Часто,— ответила Галина Васильевна. А потом посмотрела куда-то вдаль и сказала:— Дома у меня сын Дима. Ему двенадцать. Мне всегда кажется, что он постоянно смотрит и спрашивает: «Как ты там, мама? Какая ты у меня? Не трусиха ли?»

* * *

Санзала-ада — мать троих сыновей, да и возраст у нее почтенный: за шестьдесят. Но она воюет с автоматом в руках в одном из полков племени. Санзала-ада — первая женщина в Афганистане, взявшая в руки автомат, чтобы защищаться от душманов. Надо знать положение женщины-мусульманки, совершенно бесправной, униженной, которой нельзя лица открыть, на улицу выйти без разрешения мужа. Сейчас в полку уже семнадцать девушек и женщин. А командир у них Санзала-ада.

Майор Гулистан, прилетевший из пуштунского полка, рассказывает:

— Много видел, но такого в Афганистане еще не случалось. Семнадцатого августа в бою с душманами в наступающей цепи полка майора Азизулы шли с автоматами наперевес все семнадцать женщин во главе с Санзала-адой. Такого у нас еще не знали. До какой ярости накалилась борьба.

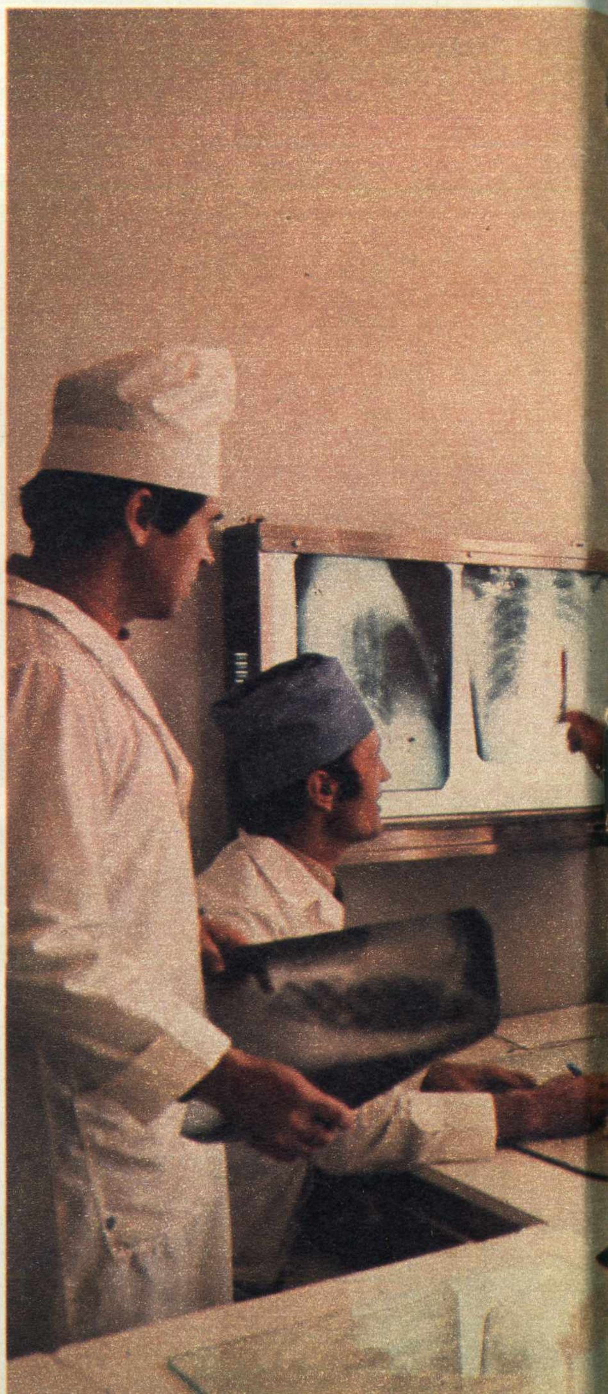
Когда-то Санзала-ада жила, как все, со своей семьей — муж и трое сыновей, жила в кишлаке Акакалей. Тогда еще не было племенных формирований и нечем было защититься кишлаку от нашествия душманов. Разметали они дома, почти весь кишлак пустили под нож. Погибли у Санзала-ады муж и старший сын. С двумя сыновьями и внучкой она чудом спаслась, а когда в кишлаке Магульхель стал формироваться племенной полк, она в числе первых записалась рядовым бойцом. С той поры с автоматом не расстается.

Чтобы представить себе, в какой обстановке приходится действовать полку, замечу — все тринадцать кишлаков, за безопасность которых отвечает полк, отстоят от пакистанской границы не более чем на четыре километра. Однажды душманы заблокировали один из кишлаков на девять месяцев. Бойцы выдержали эту девятимесячную осаду, среди них самым стойким и мужественным бойцом была Санзала-ада. Боевой пост ее младшего сына находился впереди позиции обороняющихся. Душманы решили захватить его. Бой был яростный. На посту остался в живых сын Санзала-ады и еще один

Товарищ Бабрак Кармаль среди воинов ДРА * Счастливое детство пришло в древнюю страну вместе с победой революции.

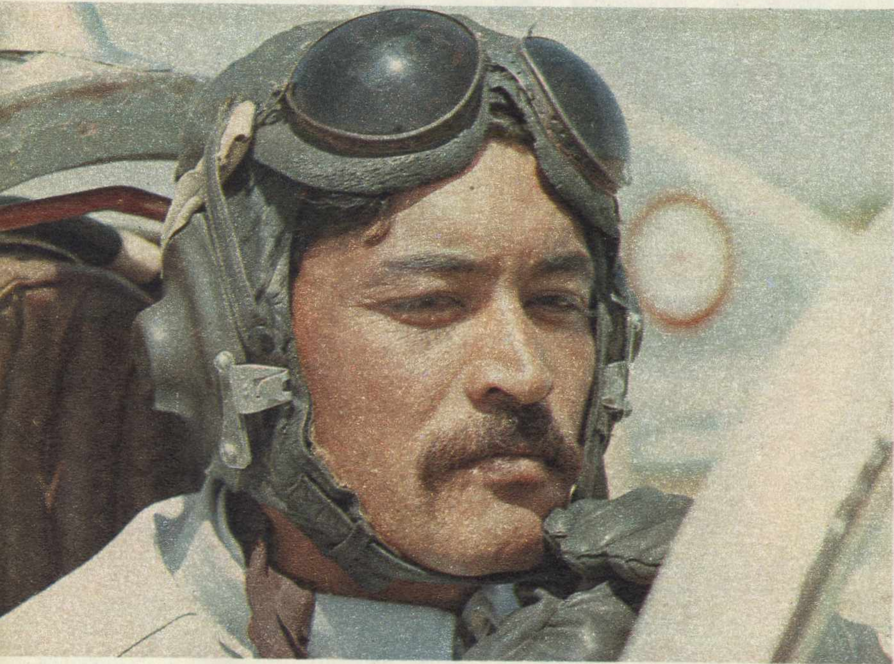
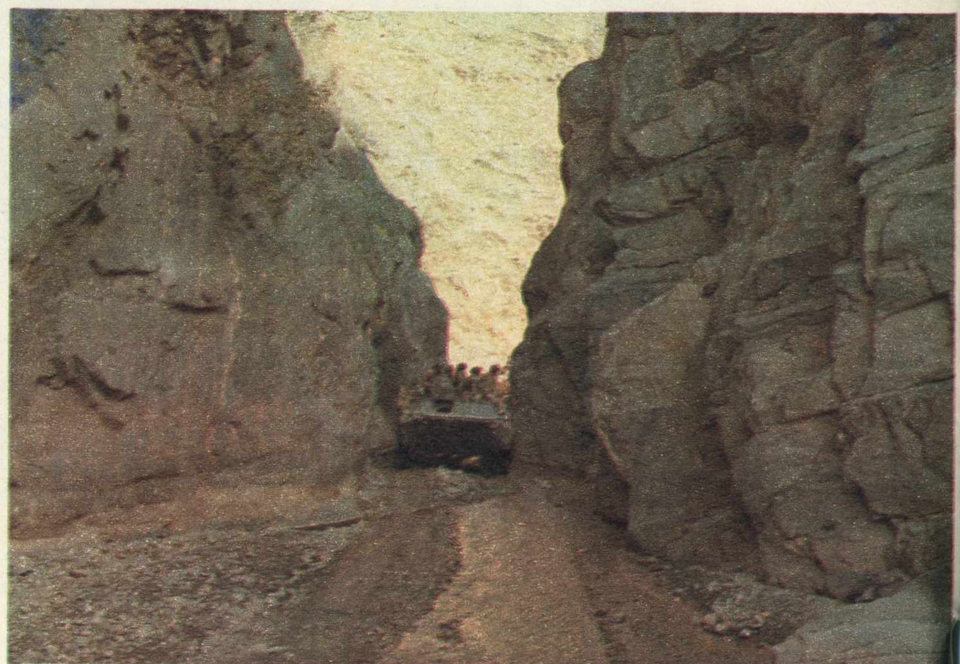
НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:
Идет стройка. Советские воины — надежные помощники афганцев во всех добрых делах * В парандже или с открытыми лицами? * В военном госпитале трудятся афганские врачи вместе с советскими специалистами * Старейшина.

боец. Телефонная связь с постом была. Санзала-ада попросила командира полка Азизулу разрешить ей поговорить с сыном. Вот как рассказал мне об этом майор Гулистан:

— Мать услышала в трубке плач сына и сказала: «Сын, держись. Если будет совсем плохо, вспомни, как они убивали твоего старшего брата. Если будет совсем невмочь, вспомни, как они убивали твоего отца...» Сын плакал. Но не побежал. Он поднял к пулеметам даже раненых. Они отбили атаку. Они не отдали душманам своего боевого поста. Сейчас сын учится. Будет хорошим командиром...

Галина Кислицына, Санзала-ада... Что в них общего, чем они похожи друг на друга? Они матери. И каждая по-своему, в меру своих сил защищает одно и то же — своих детей, а значит, завтрашний день. Общее в них то, что делают они это вместе, помогая и поддерживая друг друга. Они в одной цепи.

* * *

— Отец у меня фронтовик,— рассказывает командир мотострелкового полка подполковник А. Скородумов.— На фронте был старшим сержантом, ранило его, с тех пор инвалид. Он всегда говорил: «Не хочешь, чтобы твой дом загорелся, гаси искры самого дальнего пожара».

В беседах с подполковником меня всегда поражала глубина его мыслей как в плане интернационального, так и в плане исторического, политического, военного и патриотического.

— Знаете, как действует наш командир полка?— так начал свой рассказ о подполковнике Скородумове его заместитель по политчасти подполковник В. Земцов.— Батальону отдает приказ на боевой выход, а сам с этим батальоном — в горы. С высоты 3200 — 3500 метров — оттуда все, как на ладони — руководит подразделением. Скажете, такова специфика? Не спорю. Но я склонен называть это стилем руководства и образом жизни.

Душманы охотятся за Скородумовым. Когда подразделения отправляются в боевой выход, солдаты внимательно считают, сколько человек возле командира на его командно-наблюдательном пункте (КНП). Замечено, чем меньше их там, тем увереннее чувствуют себя солдаты в боевом выходе... Недавно случилось так: рота соседей попала в горах в засаду. Ближе всех к этой роте оказалось подразделение, с которым был подполковник Скородумов. Собрал он всех, кто оказался на КНП, и повел на выручку. Выручил...

Когда мы сегодня говорим об Афганистане, о солдате и офицере из ограниченного контингента советских войск, мы должны говорить в первую очередь об их боевом становлении. Служил в полку рядовой С. Коровин. В одной из схваток с душманами оказался отрезанным от своих. Кончились патроны. Душманы поднялись, чтобы взять солдата живым. Кругом — каменные стены, только справа — обрыв. Но там уже наготове стоят трое. И солдат бросился один на троих. Двоих заколол штыком, третьего сбил прикладом и бросился с обрыва. После боя нашли Сергея Коровина с разбитыми ногами, но живого. Пятнадцать метров летел он, так сказать, без парашюта. Повезло, удачно приземлился. Но на троих-то пошел один, троих уложил в рукопашной. Сергей отлежался в госпитале и сейчас сержант, служит в разведроте.

Рядовой В. Караев был старшим наводчиком гранатомета. В одной из схваток с душманами ранили командира взвода. Караев взял командование на себя, и взвод победно закончил бой. Рядового Караева наградили орденом Красной Звезды. Когда я был в полку, заболел командир взвода и его отправили в госпиталь. Командир полка приказал Виталию Караеву, теперь уже сержанту, исполнять обязанности комвзвода.

— Какую воинскую школу проходят наши девятнадцатилетние солдаты,— говорит командир полка.— А до службы в Афганистане у меня было некоторое недоверие к молодежи. Лохматые, с гитарами и магнитофонами в подворотнях... И вот служба тут. С ними я и днем, и ночью, и в горах, и на равнине. Скажу: они действуют, как встарь! Идут, если надо в цепи, если нужна помощь товарищу — вынесут, сдадут медикам. И опять на свое место, в цепь. Цены нет таким солдатам. Когда собираются в боевой выход подразделением, самая большая проблема, кого оставить в расположении. Никто не желает. Таков неписаный кодекс чести. Перед выходом всегда требую списки остающихся. Смотрю, чтобы дважды подряд никого не оставили, иначе потом с этим оставшимся проблем не оберешься, он сразу зачислит себя во второсортные... Про Коровина и Караева вы уже знаете. Таких у нас много. Вот еще один — сержант Василий Кузнецов. В роте был, скажу прямо, не из самых заметных. Правда, отличался безукоризненной исполнительностью. За день до выхода ему была вручена карточка кандидата в члены КПСС. Рота тогда попала в тяжелый переплет. Кузнецова дважды ранило. Он находился на фланге. Крайний, как говорится. На него с трех сторон пошли душманы. Патроны кончились. Он подпустил их вплотную и подорвал себя гранатой. Мы потом нашли восемь душманов, сраженных гранатой Кузнецова.

Скородумов говорил о Кузнецове так, будто тот сидел рядом, а командир представлял его мне. И я понимал, что сержант Кузнецов навсегда останется в сердце командира полка, что он никогда не будет для него погибшим, что командир станет рассказывать о нем и новобранцам, и увольняющимся в запас, чтобы знали, с кого делать жизнь, как надо служить Отчизне.

Прибыл в полк на должность заместителя комбата по техчасти майор Ч. Бабакулиев. Что такое зампотех батальона? Должность парковая, где ремонт да контроль, чтоб не заржавело. Но однажды взяли Бабакулиева в боевой выход. Случилось так, что он принял руководство боем на себя и отлично завершил схватку с душманами. Наградили орденом Красной Звезды. Майор знает восточные языки, постоянно работает с местным населением. И не только с ним. Результат? Народной власти сдались вместе со своими бандами три душманских главаря.

* * *

В другом месте ты можешь казаться кем угодно, в Афганистане будешь тем, кто ты есть.

Афганские минометчики ведут огонь по расположению банды душманов * Его ждет небо * Обезврежена еще одна банда. Ликвидирован склад боеприпасов и оружия * Каньон не преграда для настоящих солдат * Веселая семейка капитана Саида.

Писатель Петр Васильевич Лебеденко (в переднем ряду первый слева) в кругу своих товарищей по перу и рабочих производственного объединения «Ростсельмаш».

Фото Б. Каралкнина

НА СТРЕЖНЕ ВРЕМЕНИ

К 70-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ П. В. ЛЕБЕДЕНКО

...Видимо, чтобы вызвать собравшихся в зале Дворца культуры «Ростсельмаша» читателей на такой откровенный и заинтересованный разговор, надо было глубоко затронуть их сердца, сделать живыми соучастниками событий, о которых повествует книга, искренне заинтриговать судьбами ее героев.

Мы находимся на читательской конференции ростсельмашевцев по роману донского писателя Петра Васильевича Лебеденко «Красный ветер». Книга переносит читателей в суровое время борьбы испанского народа против фалангистов генерала Франко, против фашистов Германии и Италии. На помощь народу республиканской Испании приходят антифашисты многих стран мира, в том числе и русские, американские, французские летчики, судьбы которых писатель ставит в центр повествования.

Воспитанник ростовского комсомола, бывший рабочий «Ростсельмаша», ветеран войны Ф. В. Филипченко, как и герой романа, воевавший в небе Испании, выступая на обсуждении книги, сказал:

— Роман Петра Лебеденко актуален сегодня, когда вся наша планета переживает тревожное время. Голос протеста против войны, разрушений и фашизма, звучащий со страниц романа, сливается с мощным хором голосов борцов за мир в наши дни.

Чем же обусловлен успех у читателей многих книг П. В. Лебеденко? Мне думается, прежде всего тем, что в его произведениях бьется пульс времени, что они наполнены яркими жизненными наблюдениями, оптимистичны и современны в лучшем смысле этого слова. И еще — почти в каждой из них присутствуют романтика ратных или трудовых подвигов, юношеская окрыленность героев, увлекательный сюжет. Да он и сам такой — писатель, живущий на высокой волне творческого вдохновения, поиска, неравнодушия ко всему, что происходит вокруг. Привлекают его энергия, целеустремленность, партийная принципиальность и решительность в поступках. Не растерял он их на трудных жизненных дорогах, не уходит от злободневных вопросов, которые ежедневно выдвигает время перед писателем.

А за спиной его богатая событиями биография. С тринадцати лет мальчишка из Сарапула, что в Удмуртии, скитался по детским домам. В городе Азове Ростовской области, куда его занесла судьба, рано начал трудовую жизнь. Но влекла его романтика неба. И Петр Лебеденко добивается осуществления своей мечты—оканчивает училище Гражданского воздушного флота.

Прогремели первые залпы Великой Отечественной войны, и вот уже молодой летчик за штурвалом боевого самолета. Он совершил более 800 боевых вылетов преимущественно в тыл противника, к партизанам. 15 боевых наград украсили грудь фронтовика. Здесь же, на фронте, в январе 1942 года он стал коммунистом.

Не распрощался с небом П. В. Лебеденко и после Победы. Недаром многие его романы, такие, например, как «Навстречу ветрам», «Четвертый разворот», «Красный ветер», документальные произведения «Летчик Корхов», «Златка из Плевена», и другие посвящены рядовым шестого океана, людям мужественной, окрыленной судьбы.

Но не только летчики — и рабочий класс, которому П. В. Лебеденко отдал немало лет своей жизни (после того, как по состоянию здоровья он ушел из авиации, его родным домом стали заводские цеха), является одним из основных героев произведений писателя. Именно людям рядовых рабочих профессий, идейно стойким и богатым духовно, посвящены его романы «Дважды жить не дано», «Льды уходят в океан», «Люди, как реки...», «Черные листья», многочисленные книги очерков и документальные повествования. Некоторые его произведения послужили основой для создания пьес и киносценариев, по которым поставлены художественные фильмы.

...На письменном столе Петра Васильевича стопка испещренных мелким почерком листов бумаги. Писатель снова в трудном поиске, снова на стрежне нашего бурного времени.

Геннадий СУХОРУЧЕНКО

ФЕДИН СРЕДИ НАС

«Он из людей, которые не торопятся сказать свое слово, но говорят его хорошо» — такую оценку дал в начале 20-х годов Федину Горький. Время показало, что он не ошибся... В долговечности фединского слова, в отличавшем художника умении чувствовать пульс времени и в его стремлении всегда идти в ногу со своим читателем, со своим народом — залог не только сегодняшней, но и длительной будущей жизни лучших произведений писателя».

Так заканчивает А. Старков свою книгу «Ступени мастерства. Очерк творчества Константина Федина». И рядом вопрос:

«Но — почти шесть десятилетий напряженнейшего труда — и всего семь романов, несколько повестей, две пьесы и два сценария, несколько десятков рассказов и книги «Горький среди нас» и «Писатель. Искусство. Время». Не маловато ли?»

Однако сама же кропотливейшая работа А. Старкова, исследовавшего, видимо, все посвященные фединскому творчеству литературоведческие труды, этот полемический вопрос и снимает.

Значительное внимание уделяет автор начальному этапу литературной деятельности Константина Федина, его участию в группе «Серапионовы братья». Здесь А. Старков вместе с теми, кто в соответствии с исторической истиной, со взглядами самих участников группы, в том числе и Федина, рассматривает «серапионов» дифференцированно и обнаруживает «открывателей новых литературных форм» в тех среди них, кто сумел «привнести в литературу новый материал революции и гражданской войны». И хотя главным вопросом для всех «серапионов» был: «Как писать?» — Федину еще тогда ближе были мысли Горького, который писал ему в 1924 году: «Дело — не в словах, не в том, как поставить их, чтобы они звучали музыкально и гипнотически убеждали людей — в чем? Гениальные писатели почти все плохие стилисты, неважные архитекторы, а человек у них всегда пластичен до физической ощутимости».

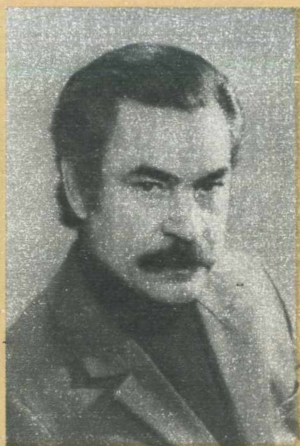
Этой физической ощутимости человека Федин постоянно, пусть неторопливо, и добивался. «Ступени мастерства» и посвящены анализу этого поступательного хода писательской биографии, наблюдениям над развитием фединских замыслов, книг, характеров. Может быть, в связи с этим следует сказать, что исследованию недостает, особенно в заключительных главах, сравнений, параллелей с книгами других, одновременно творивших с Фединым крупных мастеров литературы. Но решающим в работе А. Старкова является то, что критик в своих разборах и оценках близок точке зрения самого Федина, так высказавшегося однажды:

«Я всегда оценивал эту повесть не так, как оценивала критика. И не потому, что мне было обидно, как меня критиковали, а считал неверным принцип, положенный в основу критики: доказывать автору, что у него нет того-то и того-то... главное, у него нет того, что хочется критику, а есть то, чего ему не хочется... Это не метод! Между тем автор не думал о том-то, о том-то, а думал об этом и об этом написал более или менее обоснованно».

Д. ИВАНОВ

А. Старков. Ступени мастерства. М., «Советский писатель», 1985, 336 с.

ЦВЕТ лазоревый...

Борис КУЛИКОВ

●

Я без степи
и мыслить себя не могу,
Без полета орла
в грозовом
поднебесьи,
Без усталых коней
в тихом, волглом лугу,
Без протяжной казачьей
прадедовской песни.
Все здесь родно
до слез.
Все привычно на деле.
От грохочущих гроз
до поющих метелей,
От околка-леска
до пшеничного поля,
От речного песка...
Воля!
Волюшка-воля.
И, когда по весне
у обочин дорог
Сквозь туман зоревой
кровянеют лазори,
Чую, сердце сжимается
в теплый комок,
Вспоминаются прошлые боли
и горе.
Это души взошли!
Тех убитых в веках,
Кто пошел
к Куликову бессмертному полю.
Кто со Стенькой вздымал
окровавленный стяг,
Кто ходил с Пугачевым
за землю и волю.
Это светлые души
российских сынов,
Что ломали фашизму хребет
в Сталинграде.
Кто со степи, кто с тундры,
кто с гор и лесов
Шли сюда умирать
жизни нынешней ради.
С детства это во мне.
И скажу — не совру:
Для любимой своей
иль хорошая дата,
Но в родимой степи
я тюльпан не сорву —
Никогда не обижу я
душу солдата.
Степь чернеет светло,
и легонько парит,
И вольготно лежит
под улыбчивым солнцем.
Высоко-высоко
Самолетик летит,
Жаворонок под ним
Нежным бьет колокольцем.

ПЕРВАЯ КОННАЯ

Первая Конная наша!
Степи в крови и в дыму.
Смертное
шварканье шашек
В Новочеркасске, в Крыму.
Алые звезды на шлемах
Праведной кровью горят...
Это рабочее племя —
Слесарь,
крестьянин,
горняк.
Быстро они привыкали
К шашке,
атаке,
коню.
— Нами вы всё помыкали?
Гибните все
на корню!
Эти, кто раньше надменно
Не подавали руки,
Всё удивлялись:
— Отменно
Что-то нас бьют босяки!
Есть и уменье, и сила.
Да. Но откуда взялось?
Долго в народе копилась
На угнетателей злость.
Злость на чванливую клику
Сытых их барских пород,
Тех, кто народ свой великий
И не считал за народ.
Ну, а откуда уменье
Взял атакующий класс?
Были Миронов, Думенко,
Был сам Буденный у нас!
Все на подбор кавалеры
Славных за храбрость крестов...
Красная кавалерия —
Харьков,
Воронеж,
Ростов...
Но и у белых был ценен
Опыт штабов и клинков...
Главное, был у нас Ленин,
Партия большевиков.
...Стали историей лава,
Клич тыщеорый: «Даешь!»
Конной великая слава,
Ты никогда не умрешь!
Первая Конная бьется
Славно во веки веков.
В душах у нас отдается
Цокот
каленых
подков.
Конная учит победам,
Смерти глядеться в лицо,
Подвигам доблестных дедов
И героизму отцов.
Руки у нас не ослабли,
В стремени крепка нога.
И не притупятся сабли —
Срубим
любого
врага!

АПРЕЛЬСКОЕ, 1985 ГОД

Капели
апреля
отпели.
От прели
отмылись ручьи.
В прибрежных ракитах взгремели
Речистые соловьи.
Апрельский разгонистый ветер
Победен и праведно рьян,
Листву прошлогоднюю с веток
Срывает.
Корчует бурьян,
Бунтует стоячие воды,
И мусор на свалки метет,
И холит весенние всходы,
И чистит овид — горизонт.
Река разлеглася вальяжно,
Светило
стремится
в зенит.
И не было будто протяжной,
Угрюмо-холодной зимы.
С веселою скворушек стаей
Сдружился оттаявший грак.
И только ворона седая
Очнуться не может никак.
Таращится с ветхого скрипла
На ярь эту, звень эту, дрызнь...
И каркает изредка хрипло
На новую жаркую жизнь.

ТИХИЙ ОКЕАН

Ю. Алтунину

Все так же грозно
подо мною,
Не укрощен,
Не покаян,
Грохочет пенною волною
Угрюмый Тихий океан.
Все так же,
как со дна колодца,
Как миллионы лет назад,
Глядят устало
В очи солнцу
Его бездонные глаза.
Все так же бурями лютуя,
До четырех концов земли,
То распрямляясь,
То сутулясь,
Несет стальные корабли.
Грозой со смерчем вперемешку
Он вечно дышит.
Магеллан!
Ты Тихим все-таки в насмешку
Назвал Великий океан,
Теперь он людям мстит,
мол, щепка
Все ваше плаванье — езда.
Теперь он людям мстит,
Но крепка
На морде вспененной узда.
Опять сердито хмурит тучи,
Угрюмый, тяжелей свинца...
Еще пока что не приручен
И не объезжен до конца.

ПЕСНЯ О СЕБЕ

Что вы все клекочете,
Что вы все гогочете,
Гуси, гуси-лебеди в пруду?
Что вы клювы точите
Иль хотите-хочете
Вы накликать на меня беду?

Видел-перевидывал
Беды и обиды я,
Часто билась лодка о причал...
Ах вы, гуси-лебеди,
Люди есть и нелюди,
Не всегда я сам их различал.

Голодал и холодал,
Лебеду-траву глодал,
Только все же выбился на свет.
Ах, о чем я не мечтал!
Мудрый голос мне сказал:
Все на свете суета сует.

Правда есть! На том стою.
И о ней всегда пою.
И могу за друга постоять,
В честном, праведном бою
Не жалею жизнь свою.
Что же я могу еще желать?

Так живу раскованно
(Говорят — рискованно),
Не боюсь ни тучи, ни огня.
Слава что — фиговина!
Счастье — вот диковина.
Подивитесь, люди, на меня!

Ах вы, гуси-лебеди,
Где вы только не были,
Может, неудачен мой пример.
Но пока клекочете,
Мне беду пророчите —
К вам с ружьем крадется
Браконьер.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В БОЛЬНИЦЕ

Заиграйте, гусли-самогуды,
Гусли-самогуды-провода!
Ходят суды,
суды-пересуды,
Ходят слухи,
прям-таки беда!
Слышу я:
«Он стал ленив и нежен.
Недруги — теперь его друзья.
Постарел. И финиш неизбежен —
В затхлое болото
забытья.
Жалко! Выступал велеречиво,
Был же «из прославленных рубак»,
А теперь молчит.
Мусолит чтиво.
Был казак. А заболел —
слабак!..»
Гей вы, гусли!
Струны-оплеухи!
Ну-ка вдарьте,
правдою звеня,
Чтоб слыхали неслухи.
А слухи
Отскочили сами от меня!
Недруг втайне молится:
загнется...
Вон болезней — целый легион.
Ну, а мне не мрется!
И неймется —
Шуток выпускаю эскадрон.
Вот он я!
И повестью в журнале
Язвою у недруга сижу.
Вот он я!
И в темном кинозале
Я с экрана
на друзей гляжу.
Радио включаю —
все в порядке.
Как и обещали.
Слышу сам:
С Дона
и до голубой Камчатки
Голос мой летит по проводам.
Я пока что Родине полезен.
Не пристанут мнимые грехи.
Вот назло и слухам, и болезням
Пишутся и проза, и стихи.
Так живу и так дышу Россией,
Не поддамся лести и врагу,
Все болезни в мире пересилю!
Ну, а если...
Если не смогу.
Поклонюсь земле.
Уйду отсюда
В черное и вечное —
туда...
И заплачут гусли-самогуды.
И застонут в поле провода.

НАПОМИНАНИЕ

Вороново — подмосковная деревня, где происходили тяжелые бои с французскими и немецко-фашистскими захватчиками...

Из путеводителя.

Над Вороновом
вороны кружат —
Свидетели святой российской
мести.
Здесь вражьи кости
вперемешку, вместе
Под белыми березами
лежат...
Зачем вы к нам, в Россию, шли
и шли?
Что в отчинах своих
вам не хватало?
Орали, вишь:
«Своей земли нам мало!»
Ну вот и получили здесь...
земли.
Оправившись от страха и потерь,
Вооружившись,
битым всем
на зависть...
Вы что же, за землей опять
собрались?
И столько не получите теперь!

Ростов-на-Дону.

Перед встречей на корте. Фото Б. Кауфмана

ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА — С ДОБРЫМИ ЧУВСТВАМИ

«Теннисист надеется улучшить американо-советские отношения своей программой дружеских встреч на корте». Такие, и близкие по смыслу, необычные, можно сказать, заголовки статей появились на страницах многих американских газет и журналов за несколько месяцев до приезда в Советский Союз группы туристов — любителей тенниса из США.

Бывший теннисист-профессионал из Калифорнии Алан Болтин обратился в представительство «Интуриста» с предложением организовать поездку в СССР американских любителей тенниса для товарищеских встреч. «Обстановка в мире стала очень напряженной. Люди напуганы гонкой вооружений,— сказал А. Болтин.— Я убежден, что благодаря дружеским встречам НЕ ТОЛЬКО спортсменов высокого класса, НО И ПРОСТЫХ ЛЮБИТЕЛЕЙ СПОРТА, во время которых американцы и русские могли бы пожать друг другу руки, открыто посмотреть друг другу в глаза, обменяться мнениями, вместе поиграть на одном теннисном корте, просто сказать друг другу «привет», можно уменьшить недоверие друг к другу, лучше понять друг друга и, в целом, уменьшить напряжение в мире. Если тысячи американцев поедут в СССР на такие дружеские встречи на следующий год, это будет великолепно. Главное заключается в том, чтобы дать людям понять, что мы можем многое сделать вместе не только в спорте, но и в других сферах жизни, касающейся всей нашей цивилизации».

Предложение А. Болтина было встречено с пониманием и одобрением советской стороной, нашло поддержку в спорткомитетах городов. Вначале А. Болтин приехал в СССР, чтобы познакомиться с советскими городами, где есть крупные теннисные центры, встретиться с нашими любителями тенниса. Гость из США был поражен, что на одном лишь стадионе в Лужниках открыто около пятидесяти теннисных кортов, однако желающих играть так много, что и все корты Москвы не могут удовлетворить любителей этого увлекательного спорта. В США ему говорили, что в нашей стране в теннис практически не играют, что эта игра непопулярна, теннисных кортов вообще нет, и затея его обречена на неудачу. Особенно сильное впечатление на Болтина произвело то, что советские дети бесплатно посещают теннисные секции.

«К сожалению, в США теннис стал слишком профессиональным,— сказал он.— Юноши и девушки стремятся как можно быстрее выйти в «звезды», чтобы получать большие деньги за участие в турнирах. Но это удается немногим. Кроме того, теннис в США является очень дорогим видом спорта. За все надо платить самим: за аренду корта, за услуги тренера, за инвентарь, за участие в соревнованиях. Это под силу не всем».

Не без сомнений и опасений собиралась первая группа американских теннисистов-любителей в путешествие по СССР. Американцы очень плохо знают нашу страну и советских людей. Многие из них находятся под влиянием антисоветской пропаганды, и, безусловно, требовались определенная решительность и добрая воля, чтобы преодолеть навязанный стереотип мышления в отношении нашей страны.

И вот первая группа американских теннисистов-любителей побывала в СССР. Это была увлекательная двухнедельная поездка. Гости знакомились с историческими памятниками в столице, на Украине и в Грузии, узнавали современную жизнь Советского Союза и, конечно, встречались в дружеских матчах с теннисистами СССР.

Очень популярный в США журнал «Мировой теннис» поместил в своем январском номере статью одного из участников поездки — преподавателя из Мэриленда Мартина Гула. Вот что он пишет:

«Вы лучше узнаете русского человека, если он ваш партнер в парной игре на теннисном корте. Понятие «пропаганда войны» блекнет с каждым ударом, игрой и партией. Три месяца назад я и моя жена вместе с тридцатью любителями тенниса из Калифорнии совершили первый дружеский тур по Советскому Союзу. Это была группа людей разного возраста — преподаватели, врачи, юристы, бизнесмены, банковские работники, домохозяйки. Нашими партнерами с советской стороны также выступали преподаватели, ученые, журналисты, инструкторы физкультуры. Моей партнершей в парной игре оказалась преподавательница из Москвы. После игр за чашкой кофе мы говорили о наших семьях, о домах, о различиях в советской и американской системах образования и т. д. Все это оставило незабываемое впечатление. И все началось с маленьких желтых мячиков, посланных через сетку нашим партнерам в Москве, Киеве и Тбилиси».

Встречи советских и американских любителей тенниса проходили на стадионе в Лужниках в Москве, на кортах «Динамо» в Киеве и на динамовских площадках в Тбилиси. Люди разных убеждений и политических взглядов, американские и советские участники этих дружеских матчей были единодушны: такие встречи, несущие тепло человеческого общения, должны и будут продолжаться, они помогают лучше узнать друг друга, вносят свой вклад в разрядку, в сохранение мира на Земле.

Валерия ТИТОВА,
мастер спорта, экс-чемпионка СССР по теннису

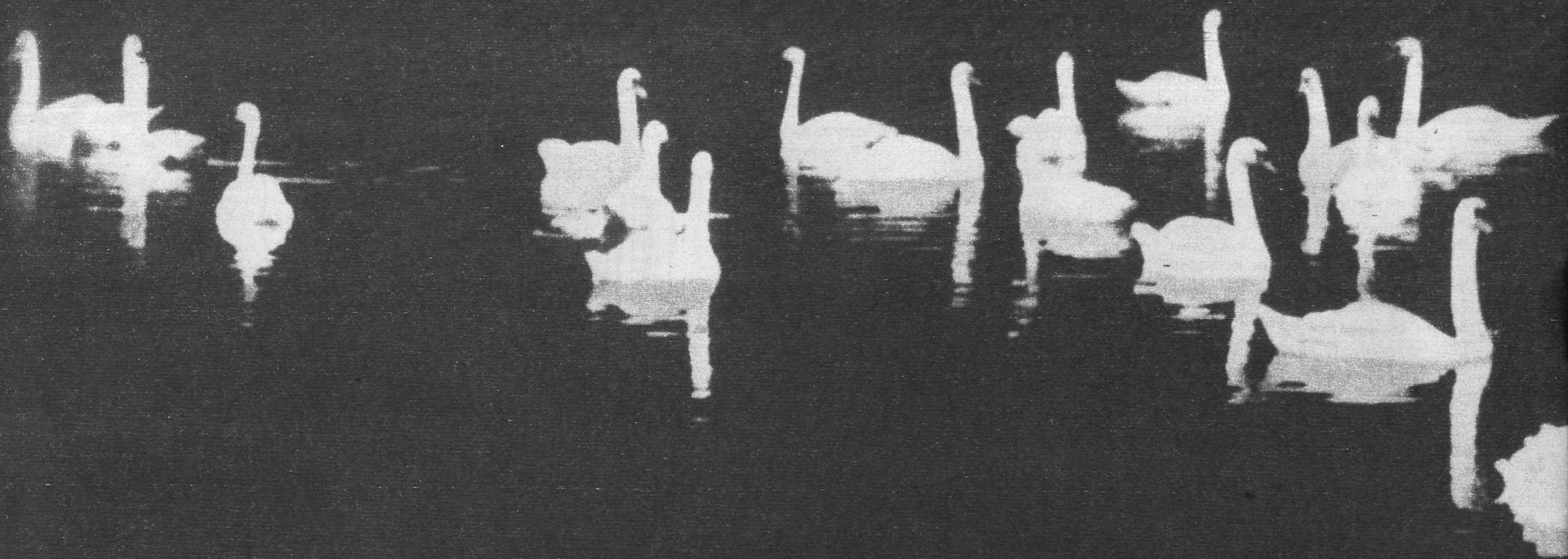
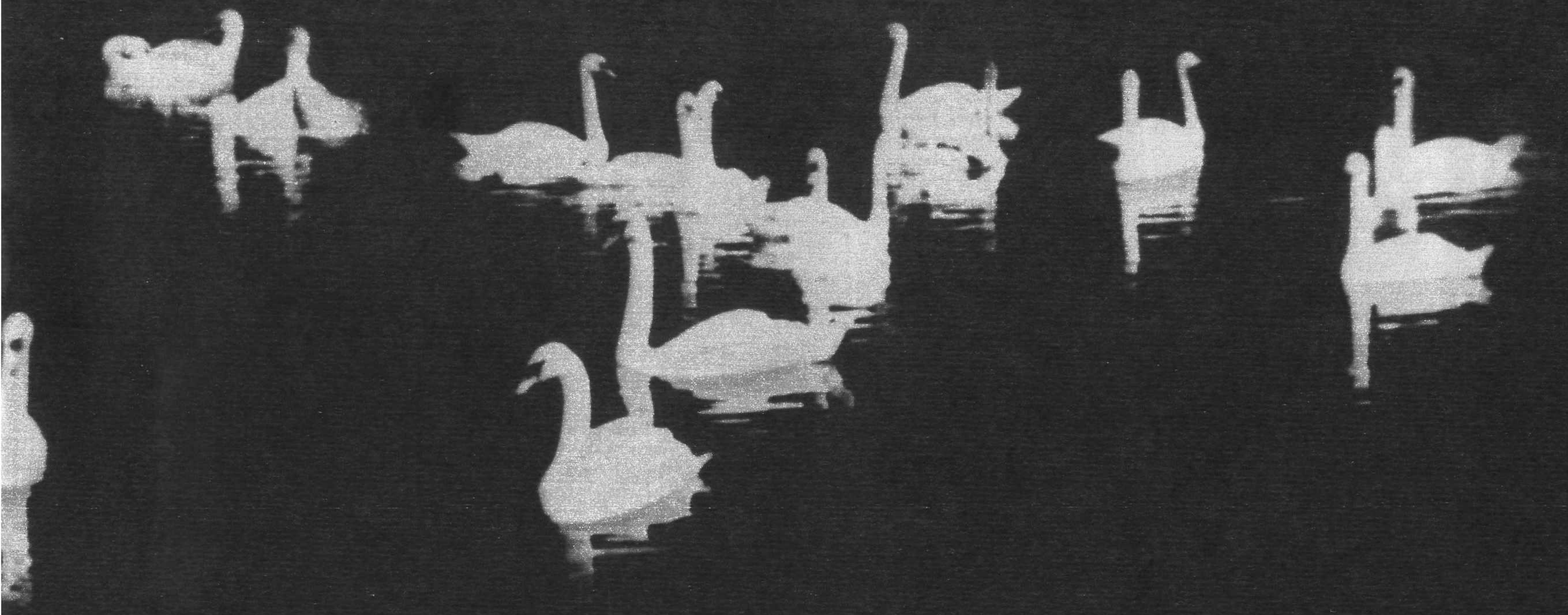

Фото А. БОЧИНИНА

мир прекрасен

Любовь ЮНИНА

МАЛЕНЬКАЯ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

В ЧУЖОЙ КВАРТИРЕ

Вода закипела. Ефросинья Викентьевна выключила кипятильник. Держа одной рукой трубку, другой она достала из ящика стола банку растворимого кофе, насыпала в стакан, стала медленно размешивать.

— Салют, Ефросинья, супруга моя горемычная,— услышала она веселый голос мужа.— Живой я и, видишь, уже бегаю.

— Ничего не вижу. Тебе там не надует? Не простудишься?

— Тут тепло. Меня скоро отпустят домой. Как Вика?

— Он у тети Томы,— мрачно сообщила Ефросинья.

— Представляю, как она его балует,— засмеялся Аркадий.

— Не то слово. Сейчас звонили, сообщили, что жарят гуся. С яблоками.

— Ого! Красиво жить не запретишь! На таких харчах он еще толще станет.

— Я просила тетю Тому не перекармливать его. Но разве ее убедишь! Она считает, что дети должны питаться. И это основная их функция на земле.

— Сама-то ты как?

— Как-как! — сварливо сказала Ефросинья Викентьевна.— У меня квартирная кража, и я в полной запарке. Если б не тетя Тома, я б пропала. Но я сегодня обязательно приеду к тебе.

— А вот это лишнее. Не трать время. Здесь все свои. Меня лечат, кормят, поят и жалеют.

— И больше всех Шуваева. Да? — быстро спросила Ефросинья, вспомнив утренний разговор с тетей Томой.

— Не ревнуй, пожалуйста!

— Я? Ревновать! — фыркнула Ефросинья Викентьевна.— Еще чего!

— Ну и прекрасно.— Тон Аркадия вдруг стал сухим.

Ефросинья почувствовала это, спросила жалобно:

— Ты обиделся?

— Ничуть. Как, кстати, котенок?

— Котенок?

— Ну, Ефросинья! — с упреком сказал Аркадий.— Ты хоть покормила его?

— Он не просил, а я забыла. Вчера из-за тебя расстроилась.

— Он ведь живое существо и тоже, между прочим, заботы требует.

Ефросинья Викентьевна растерянно молчала. Когда Аркадий с Викой подобрали на улице котенка и принесли его домой, она была категорически против. Но они ее уговорили. Правда, Ефросинья Викентьевна поставила условие: «Котенок ваш, вы за ним и ухаживайте». Аркадий сам покупал ему рыбу, сам варил, что в общем-то было против правил, введенных Ефросиньей Викентьевной и существовавших в семье. А по этим правилам кухонная плита безраздельно принадлежала ей: приготовлением пищи занималась только она. А Аркадий мыл посуду. К грязным тарелкам Ефросинья не притрагивалась.

Но как бы то ни было, сейчас она чувствовала себя виноватой: как же это она забыла о котенке?

— Прости, Аркадий,— сказала Ефросинья.— Что я наделала! Может, он мышку поймает?

— Какую мышку? — удивился Аркадий.— Откуда у нас в доме мыши?

— Соседка говорила, что у нее водятся.

— Ну, на мышей рассчитывать не приходится. Так вот что: купи ему рыбу. Он любит вареную,— распорядился Аркадий.

Ефросинья готова была хоть сейчас бежать за рыбой.

— Сделаешь? — спросил Аркадий.— Ну, лады. Я пошел в палату. А то вот пришла Таня и сердито смотрит на меня.

— Ах, сердито? — начала было Ефросинья, но тут же прикусила язык, вспомнив, что виновата перед мужем.

Она допила остывший кофе, сунула ноги в потеплевшие от горячего воздуха, но еще мокрые туфли, решив, не мешкая, тотчас же сбегать в угловой магазин за рыбой. Однако в дверь стукнули. Кузьмичева открыла — на пороге стоял Валентин Петров.

— Есть новости? — спросила она.

— Не то чтобы очень и не очень чтобы так.

— Капитан Кузьмичева,— сказала она, сняв трубку.

— Здравствуйте, Ефросинья Викентьевна. Это Ольга Игнатьевна Рогожина.

— Здравствуйте. Слушаю вас.

— Вчера я была у тети Шуры. Ключ от квартиры у нее лежит на обычном месте.

— Где?— машинально спросила Кузьмичева.

— В шкатулке на комоде.

— Вы взяли ключ?

— Нет. А зачем его теперь брать?

— В общем-то вы правы. Спасибо за информацию.

А через час раздался новый звонок. Звонила Рогожина, на этот раз Ирина, просила принять ее.

— Я здесь внизу,— сказала она.

— Хорошо, я сейчас закажу вам пропуск.

Через несколько минут Ирина сидела напротив Кузьмичевой.

— Можно, я закурю?— спросила Ирина.

— Острим.

Петров вздохнул.

— А ничего больше не остается. Пошли к Королеву. Он о нас днем спрашивал.

Петр Антонович Королев сидел за столом, запустив обе пятерни в свои кудрявые, густые волосы, и, хмыкая, читал какую-то бумагу.

— А! Орлица со своим орлом! Что нового?

— Пока жидко, — сказала Кузьмичева. — Сын и дочь Рогожины утверждают, что их ключами никто пользоваться не мог. С корабля, на котором плавает Рогожин, пришла радиограмма, что ключ от квартиры при нем. А в третьей зоне Киевской дороги проживает двоюродный брат невестки Рогожиных, Юрганов.

— А Юрганов мог позаимствовать ключ?

— Он общается только с сестрой. Раз в их доме есть ключ...— неуверенно ответила Кузьмичева.

— Надо посмотреть, что за окружение у Юрганова.

— Оказалось, что существует еще один ключ,— проговорила Кузьмичева.

— Вот как? — заинтересовался Королев.

— У бывшей домработницы. Но я еще не знаю, на месте ли он.

— Многовато что-то ключей, — проворчал Королев.

Утром, едва Ефросинья Викентьевна вошла в кабинет, раздался телефонный звонок.

Ефросинья Викентьевна кивнула, разглядывая женщину. Как резко отличалась она от Тони Одоевской! Та была прекрасно одета, надушена, самодовольна. Ирина, в потертой курточке, бледная, с хмурым взглядом, держалась неуверенно. Она явно нервничала и из-за этого выглядела еще более жалкой.

— Очень неприятная история,— заговорила Ирина.— Когда мой муж был у вас... В общем, он ничего не знал. Дело в том, что я потеряла ключ от квартиры Ольги Игнатьевны.

— Когда?

— Еще весной.

— Как же это случилось?— спросила Кузьмичева.

— Ольге Игнатьевне после операции нельзя поднимать тяжелое. И поэтому овощи: ну, картошку, капусту и всякое такое — покупает им Антон. Мой муж... Вот. А тут получилось так, что он был очень занят, а у меня времени свободного больше. И я пообещала все купить. Антон сказал, чтоб я взяла ключ. Но Ольга Игнатьевна, к счастью, была дома, и я даже не воспользовалась им. В тот день я ничего не заметила. И на другой, кажется, тоже... А когда вспомнила, ключа в кармане не оказалось.

— Вы сказали об этом мужу?

— В том-то и дело, что нет. Мы как раз поссорились... Я думала: когда отец Антона вернется из экспедиции, я все расскажу ему, он сделает дубль. Он ко мне хорошо относится.

— Где же вы его потеряли?

Продолжение. См. «Огонек» №№ 11, 12.

— Не знаю. Мне кажется, что, когда я входила в метро и вынимала из кармана пятак, он лежал там. А может, и ошиблась.

— Если вы были в ссоре с мужем, то почему же свекрови не сказали?

— Я знаю, что виновата. Но я не могла. Она меня терпеть не может. И она, и сестра Антона. Они ждут не дождутся, когда мы разведемся.

— Почему?

— Да в общем-то они правы.— Ирина закурила новую сигарету.— Я неудачница. Я старше его. Ребенка не родила. Почти ничего не зарабатываю.

— Почему?

— Кропаю стихи.— Ирина горько вздохнула.— Думала, у меня есть талант. А на поверку — бездарь. Перебиваюсь литконсультациями. А это сорок — пятьдесят рублей. На хлеб и сигареты.

Только сейчас Кузьмичева увидела, что Ирина курит самые дешевые сигареты. То, что рассказывала Ирина, не имело пока к делу ни малейшего отношения, но ей, вероятно, надо было выговориться. И Ефросинья Викентьевна терпеливо слушала.

— Живем в основном на зарплату Антона. А она не так уже велика: сто восемьдесят. Он редактор в техническом издательстве. Еще я иногда вяжу, если кто-нибудь закажет. Я хорошо вяжу. Но это редкий заработок. Антон раньше верил в меня. А теперь, по-моему, не верит уже. Но сейчас я нашла место, на днях начну работать. Господи, зачем я все это вам рассказываю? Но у вас какие-то удивительные... какие-то родные глаза.

Тут уж Ефросинья Викентьевна смутилась и даже чуть покраснела. О том, что у нее «родные глаза», даже муж Аркадий никогда не говорил.

— Извините меня, пожалуйста,— сказала Ирина.— Вернемся к делу. Видимо, воры нашли потерянный мною ключ и воспользовались им.

— Дома вы ключ не могли обронить?

— У нас так мало вещей... Но я все перебрала, буквально все по гвоздику.

— А кто у вас бывал дома в это время?

Ирина задумалась.

— Да никто, по-моему, не был... Кажется, только двоюродный брат.

— Как его зовут?

— Николай Николаевич Юрганов.

— Один или с кем-нибудь?

— Один. Ему я как раз рассказала, что потеряла ключ.

— А он знал, что у Рогожиных есть ценные иконы?

— Да,— несколько удивленно проговорила Ирина.— Я рассказывала ему. Это ведь действительно прекрасные иконы. Когда они найдутся, вы увидите, что это за чудо.

Ирина ушла, а Ефросинья Викентьевна, подперев ладонью голову, стала размышлять о том, что рассказала Ирина. Конечно, вполне возможно, что Ирина обронила ключ в квартире, а Юрганов его подобрал. Может, спьяну рассказал кому-то об иконах и ключе. Могло? Могло.

«Шаткая вообще-то версия»,— решила Кузьмичева. Но другой пока не было. Она сняла трубку, набрала номер Королева.

— Можно, я зайду к вам, Петр Антонович?— спросила она.

— Давай.

Королев из графина поливал фикус. У него замечательный фикус стоял в кабинете. Может быть, на всю Москву один такой был, под потолок, и листья точно из лакированной кожи. В незапамятные времена он неизвестно как попал к Королеву в кабинет, и тот полюбил деревце, которое люди когда-то, признав за символ мещанства, повыкидывали из своих квартир. А Королев свой фикус холил и лелеял, что служило в управлении объектом бесчисленных анекдотов и острот.

— Рогожина была у домработницы, ключ на месте,— сообщила Кузьмичева.

— Рад это слышать,— пробурчал Петр Антонович и тряпочкой стал протирать листья фикуса.

— Сейчас у меня была невестка Рогожиной.

Оказывается, ключ, который был у сына Рогожиных, она потеряла.

— Она сама пришла?

Кузьмичева кивнула.

— А почему он это скрыл?

— А он не знает. Она ему не говорила, что потеряла.

— Так.— Королев прекратил свои занятия с фикусом, положил тряпку на подоконник и сел за письменный стол.— А почему мы до сих пор ничего не знаем о ее брате?

— Не тыкайте меня, как щенка,— высокомерно сказала Ефросинья Викентьевна.— Петров этим занимается.

— Тоже мне щенок,— засмеялся Королев,— тявкаешь-то как волкодав. Вообще-то, Викентьевна, это правильно, что ключ ищешь, но ты пошукала, как там у коллекционеров, об иконе четырнадцатого века нет разговоров?

— Там глухо, Петр Антонович.

— На таможни сообщили, чтоб повнимательнее были?

— Чего это вы меня сегодня все учите? Конечно, сообщили.

Валентину Петрову повезло. Когда он пришел в котельную, дежурным истопником был Николай Юрганов. Длинный, худой, с землистым лицом, он выглядел много старше своих сорока лет. Кузьмичева с Петровым заранее придумали предлог для знакомства. Месяца два назад из котельной уволился истопник Карлушин Сергей Васильевич. Валентин должен был выдать себя за его приятеля.

Юрганов сидел в очень чистенькой дежурке и ел арбуз. На стенах висело много рисунков: натюрморты, пейзажи.

— Привет,— сказал Валентин, снимая с головы кепку.— Приятного аппетита. Мне б Сережу Карлушина повидать.

Юрганов обтер губы тыльной стороной кисти.

— А он уволился.

— Вот те на...— Валентин изобразил на лице огорчение.— И где же он теперь?

— Мать у него в Серпухове померла, дом ему в наследство оставила. Он и перебрался туда.

Петров с завистью посмотрел на арбуз.

— Не угостишь? Пить очень хочется.

— Чего ж не угостить? Бери нож да отрезай.

Валентин сел напротив на табуретку, взял в руки нож.

— Вот спасибо... А я и не знал, что Серега уволился. Надо же — померла матушка... Адрес-то он оставил?

— Записывал где-то, — равнодушно ответил Юрганов,— надо поискать.

— Не тяжелая тут работенка,— заметил Валентин, оглядываясь.— А как платят?

— По работе и платят,— усмехнулся Юрганов.— Сереге квартиру обещали. Вот он и вкалывал тут.

— А ты?

Юрганов пожал плечами.

— У меня квартира есть. Удобно, что работа сменная.

— Тебя как звать-то?

— Николай.

— А меня Валентином. Будем знакомы.

— А ты с Серегой служил в армии, что ли? — спросил Юрганов.

— Нет...

— Серега — хороший парень.

— Ага. А мать у него верующая очень была. У нее такие иконы были! Художники приезжали смотреть. Он тебе рассказывал?

Юрганов покачал головой.

— Нет, как-то не заходил разговор. Он больше жаловался, что мать с женой его не поладила, поэтому и уехал из Серпухова да за квартиру тут работал.

Они еще поговорили о том о сем, потом Валентин как бы ненароком взглянул на часы.

— Батюшки, опаздываю... Ладно, Николай, пока.

Аркадий сообщил, что, судя по всему, завтра его выпишут из больницы, и Ефросинья Викентьевна так спланировала свой день, чтоб на часик уйти пораньше, купить продукты, забежать за Викой в сад и сварить наконец обед. Все эти дни она не готовила. Сын прочно обосновался у Тамары Леонидовны, которая категорически заявила, что, пока Аркадий в больнице, мальчик будет с ней. Самой же Ефросинье Викентьевне вполне достаточно было чашки чая с куском хлеба.

Она уже сняла с вешалки плащ, как раздался телефонный звонок. Кузьмичева на мгновение замерла с плащом в руках, потом обреченно сняла трубку.

— Капитан Кузьмичева,— сказала она.

— Товарищ капитан,— услышала она голос,— тут человек пришел. Хочет поговорить с вами. Пропустить?

— По какому делу?

— Говорит, по государственному. В общем, по поводу квартирной кражи.

— Пропустите.— Кузьмичева вздохнула. Повесила плащ на вешалку и села за стол. Она расстроилась: конечно, ни о каких магазинах теперь и речи быть не может. Дай бог успеть за Викой в сад.

Как ни стремилась Ефросинья Викентьевна к порядку, в ее личных делах постоянно образовывались сбои. И вовсе не зря красивая медсестра Таня так ехидно сказала тогда: «Вы можете навестить мужа, если, конечно, найдете время». Время! А что делать, если события развиваются помимо ее воли, захлестывают и все благие пожелания летят в тартарары.

Невеселые ее раздумья прервал стук в дверь.

— Войдите!— проговорила Кузьмичева.

В кабинет, опираясь на палку, вошел пышноусый старик в темном костюме, украшенном рядом орденских планок.

Ефросинья Викентьевна поднялась ему навстречу.

— Здравствуйте,— сказал посетитель неожиданным для его плотной, могучей фигуры жидким теноркам.— Вы будете товарищ Кузьмичева?

Она кивнула.

— Позвольте представиться,— продолжал старик.— Гнедков Борис Иванович, пенсионер и по совместительству сторож в троллейбусном парке.— И засмеялся.

Ефросинье Викентьевне он почему-то сразу понравился.

— Садитесь, Борис Иванович. Меня зовут Ефросинья Викентьевна. Будем знакомы.

— Ишь, имя-то у вас какое старинное. Теперь так не называют...

— А у нас в семье издавна принято называть детей именами бабушек и дедушек.

— Мою матушку покойную тоже звали Ефросинья.

— Что вас привело к нам?— спросила Кузьмичева, дождавшись, пока Гнедков кончил усаживаться.

— Тут вот какое дело,— сказал старик, расправляя свои снежно-белые усы.— Может, пустое. А может, и нет. Вы уж сами разберетесь. Но я все-таки решил кое-чем с вами поделиться. Слыхал я, кража квартирная тут произошла. Так? Или болтают?

— Нет, не болтают. Действительно, как говорят, это печальное событие имело место,— улыбнулась Ефросинья Викентьевна.

— Не нашли еще разбойников-то?

— Ищем.

— Ага.— Старик уселся поудобнее, поставил палку меж ног, оперся о нее обеими ладонями.— Я, как уж изволил вам сообщить, вообще-то сторожем работаю. А тут у меня давление подскочило. Ничего не поделаешь: годы и война за спиной. Врач на больничный посадил и велел побольше дышать свежим воздухом. Я хоть и в центре живу, но местечко у нас тихое, зелени много, так что воздух неплохой: сиди в скверике и дыши в две дырочки. А тут, как назло, дождь зарядил такой, что и носа на улицу не высунешь. Беда. Но я старый солдат: есть приказ — надо выполнять. И придумал: окно раскрою, сижу у окна и дышу воздухом. А окно мое на третьем этаже, аккурат напротив подъезда, где квартиру обокрали. Когда я здоровый, я в окно никогда не гляжу, это старухи глядеть любят, чтоб было потом о чем язык почесать.

Ефросинья Викентьевна, не перебивая, внимательно слушала все эти малоинтересные подробности. Старик ей определенно нравился своим чувством достоинства, нравились его белые усы и веселые глаза.

— А тут болею. Делать нечего, в окно гляжу. Ну, утром народ на работу расходится, детишки в школу бегут. Все обыкновенно. И тут я одну барышню приглядел.

Ефросинья Викентьевна чуть улыбнулась, но Гнедков заметил это.

— Да вы не смейтесь, не думайте чего дурного. Сначала я на зонтик внимание обратил. Зонтик у нее приметный — формой словно будочка круглая, по самый пояс закрывает. Сам прозрачный, зонтик-то, а по нему дивные какие-то рыбы нарисованы. Сверху очень хорошо видно. Утром она на работу убегает, вечером прибегает. Иногда ее мужчина провожает, иногда в гости к ней заходит.

— Как одет мужчина?

— Обыкновенно, в плаще. Дождь ведь. Он тоже под зонтиком. А тут как-то раз смотрю: он, этот мужчина, из подъезда выходит, а в руках у него портфель большой-пребольшой. Сейчас такие не носят. Сейчас ходят с плоскими чемоданчиками, «кейсы», что ли, они называются. А раньше все с такими большими портфелями ходили. И у меня был. Сейчас в нем дочка овощи носит. Вместительный он — страсть! Я тогда-то ничего такого не подумал... Мало ли кто с чем ходит. А когда о краже разговоры пошли, думаю: «Стой! А не он ли?»

— А почему вы не подумали, что он, может быть, для девушки за картошкой пошел?

— А чего он тогда пропал? Я его с того дня ни разу не видел...

— И потому вы решили, что он имеет отношение к ограблению квартиры?

— Так ведь все время раньше он с этим «кейсом» ходил... А тут с портфелем... И, главное, утром, когда люди на работе...

— Во сколько это было?

— Как раз детская передача шла. Значит, одиннадцатый час.

— А как он входил в подъезд, вы видели?

— Нет. Чего не видел, того не видел.

— А куда он пошел?

— Тоже не обратил внимания. Я ведь тогда ничего плохого не подумал. Может, отвернулся, может, отошел, уж и не помню.

— Какого это было числа?

— Точно не скажу. У меня больничный лист с 20 августа по сию пору. Помню только, что в этот день дождя не было. Я по привычке радио включил, окно открыл, присел. А потом думаю: дождя-то нет, чего ж я в доме буду, лучше в сквер пойду.

— А как же вы его узнали, Борис Иванович? — спросила Ефросинья Викентьевна.

— Не понимаю.

— Вы же сказали, что до этого все время его под зонтиком видели? Значит, лица его не видели? А раз дождь не шел, то он без зонтика был.

— Ну и что! Они у подъезда, бывало, стояли, разговаривали, лицом к улице поворачивались, то есть ко мне... Видел я их лица. Он такой темноволосый.

— Узнать смогли бы?

— Наверно, — неуверенно ответил Гнедков.— Из своего окна б если увидел, то точно бы узнал. Высокий он, девушка чуть повыше плеча ему.

— Спасибо за информацию, Борис Иванович.

— Пригодится? — с надеждой спросил старик.— Или я так, зря время у вас отнял?

— Трудно мне сейчас сказать вам что-нибудь определенное.

«Девушка... что за девушка... Откуда она взялась?» — думала Ефросинья Викентьевна, направляясь за сыном в детский сад.

Уложив сына спать, Ефросинья сготовила обед, помыла полы, вытерла пыль, кое-что постирала и, полуживая от усталости, легла в постель. И сразу уснула. Снился ей Аркадий. Он шел ей навстречу с девушкой, у которой в руках был большой портфель. Когда Ефросинья приблизилась к ним, она узнала в девушке Таню Шуваеву.

— Бледная какая вы сегодня, Ефросинья Викентьевна,— сказал ей утром Валентин Петров.— Спали плохо?

По молодости лет Валентин не знал, что женщине, даже если она носит воинское звание «капитан», не следует говорить, что она выглядит не очень хорошо.

И. Репин. 1844—1930. ПОРТРЕТ НАДИ РЕПИНОЙ. 1881. Саратовский государственный художественный музей имени А Н. Радищева.

И. Шишкин. 1831—1898. ЛЕСНАЯ ЧАЩА.

Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева.

НОВЫЙ КОНСТРУКТИВНЫЙ ПОДХОД

Генеральный секретарь ЦК Коммунистической партии Эквадора
Р. МОЖЕ

Политический доклад ЦК КПСС, сделанный товарищем Горбачевым на съезде вашей партии, сориентирован, на наш взгляд, на дальнейшее ускорение социалистического строительства, на более быстрое развитие научно-технического прогресса, использование его достижений. Очень важны также положения доклада, посвященные разоружению, сохранению мира на Земле. Мы очень ценим усилия Советского Союза, направленные на обеспечение мира во всем мире. В Политическом докладе ЦК КПСС мы видим новый, конструктивный подход советского руководства к этим вопросам. И никто, ни одна организация, ни один человек в мире не может этого отрицать. Мне хотелось бы выделить те положения доклада, в которых дается оценка противоречий между империализмом и странами так называемого «третьего мира».

Сегодня страны «третьего мира» превратились в главный объект эксплуатации со стороны развитых капиталистических стран. В этой связи следует подчеркнуть, что сегодня, как и ранее, Коммунистическая партия Советского Союза занимает ясную и открытую позицию поддержки национально-освободительного движения в странах «третьего мира». И эта поддержка чрезвычайно важна для нас.

XXVII съезд КПСС, несомненно, откроет новый этап социально-экономического и политического развития Советской страны. В то же время чувствуется большое желание искоренить недостатки и исправить ошибки, которые были допущены, преодолеть трудности, которые имели место.

Съезды Коммунистической партии Советского Союза всегда имели большое значение для международного коммунистического и рабочего движения. На них всегда шла речь о том, чтобы более эффективно, творчески применять марксистско-ленинскую теорию. Это важно еще и потому, что Советский Союз идет первым по пути строительства развитого социализма, строительства коммунизма. Мы стараемся как можно глубже проанализировать теоретические и политические положения, которые содержатся в Политическом докладе ЦК КПСС и в новой редакции Программы КПСС.

Хочу еще раз подчеркнуть большое значение последних мирных инициатив Советского Союза, с которыми выступил Михаил Сергеевич Горбачев 15 января, инициатив, намечающих дальнейшие и реальные пути разоружения вплоть до 2000 года, претворение которых в конечном итоге позволит сделать реальностью создание всеобъемлющей системы международной безопасности в военной, политической, экономической и гуманитарной областях.

Товарищ Горбачев сказал на съезде, что «бедственное положение развивающихся стран — крупнейшая общемировая проблема». Это—точное определение и оценка того, что действительно имеет место в большинстве названных стран, то есть в странах, где живет большинство населения Земли. Развивающиеся страны стали жертвой колониального и неоколониального угнетения. Перед ними стоит такая гигантская проблема, как колоссальный внешний долг, достигающий ныне суммы триллиона долларов.

Происходит грабеж естественных ресурсов, демпинг, неравноправный торговый обмен между развитыми капиталистическими и развивающимися странами; транснациональные корпорации размещают в странах «третьего мира» предприятия и целые отрасли, которые отравляют окружающую среду, наносят ей ущерб. Такая обстановка вызывает серьезную озабоченность людей, живущих в развивающихся странах. Империализм пытается помешать тому, чтобы народы этих стран сами выбрали пути дальнейшего развития. Он старается задушить движение национального и социального освобождения, пытается спровоцировать конфликты в различных регионах мира между развивающимися странами либо по отношению к ним, как это было и есть в Никарагуа, на Ближнем Востоке, в Южной Африке. Таким образом в жизнь проводится общая военно-политическая доктрина о конфликтах малой интенсивности. Но мы должны сказать, что эти конфликты могут однажды перерасти и в мировой пожар.

В нынешних условиях Коммунистическая партия Эквадора ставит вопрос об освобождении народа от ига социального и национального угнетения. Ухудшается экономическая обстановка в стране в основном по двум причинам: во-первых, это — увеличение внешнего долга, во-вторых, снижение цен на нефть на мировом рынке. Олигархия и империализм пытаются подавить даже те демократические свободы, которые имеются сейчас. Наши важнейшие задачи — защитить демократические завоевания, которых уже добился народ, не допустить того, чтобы в нашей стране были развязаны фашистские репрессии.

Для достижения этих целей необходимы два важнейших условия: единство демократических, прогрессивных и патриотических сил Эквадора, повышение уровня сознательности тех организаций, в которые объединены эти антиимпериалистические силы. И вторая задача — совершенствование нашей партии, превращение ее в партию действия, массовую партию. Как я уже сказал, эти два условия тесно переплетены, диалектически связаны между собой. Борьба за единство позволяет нам укрепить партию. А организационно-политическое укрепление партии способствует процессу объединения демократических сил страны.

Важной задачей нашей партии является также защита национальных естественных богатств, защита их от грабежа транснациональными корпорациями. Кроме того, мы боремся против попыток Соединенных Штатов вырвать у правительства страны некоторые военно-политические уступки, которые бы превратили Эквадор в важный стратегический пункт для США. Вот теперь в плане подготовки «звездных войн» США хотят создать на Галапагосских островах одну из станций слежения. Борьба за демократические преобразования в нашей стране теснейшим образом связана с антиимпериалистической борьбой. Важной задачей партии мы считаем также всемерно способствовать единству коммунистического движения в Латинской Америке, во всем мире.

— Будешь тут бледная, — проворчала Ефросинья Викентьевна.— Вечером весь дом вылизала, а утром за мужем в больницу ездила. Ты-то, небось, домой пришел, мамочка под нос ужин поставила, наелся и спать завалился.

— А вовсе нет. Я не спал — я думал! — сообщил Петров.

— И что же ты надумал?

— Я еще не рассказал о знакомстве с Юргановым.

— Так-так, — быстро сказала Кузьмичева. — Об этом поподробнее.

— Не похож он на человека, который обдуманно может пойти на ограбление.

— Это, мой дорогой, не факт. Мало ли встречалось нам вполне благопристойных внешне людей, которые оказались матерыми преступниками.

— На религиозную старушку, у которой могут быть иконы, не клюнул. А если у него клиенты на них есть, должен бы заинтересоваться.

— Так он сразу и откроет карты первому встречному.

— Нет, иконы его не интересуют. Убежден.

— Может, он ключ у сестры нашел и вместе с адресом кому-нибудь продал. Может, он наводчик...

— Ну, вообще-то может.

— У меня тоже новости.— И Кузьмичева рассказала о разговоре с Борисом Ивановичем Гнедковым.

— Русакова — фамилия девушки. Зовут Марьяна.

— Что еще ты о ней узнал, когда с соседями разговаривал? — спросила Ефросинья Викентьевна.

— Плохого ничего. Обыкновенная девушка. Но с Юргановым она вряд ли знакома. А может, Ирина Рогожина ключ на площадке обронила, а Русакова подобрала?

Кузьмичева пожала плечами.

— Все у нас с тобой пока из области гаданий. Несерьезно. Попытаюсь-ка я узнать поподробнее об этой Марьяне. Поговорю еще с Рогожиной.

...Ольга Игнатьевна хоть и ждала Кузьмичеву, но встретила ее в халате, волосы были закручены на бигуди.

— Простите, ради бога, за мой вид,— сказала она. — Сегодня защищает диссертацию мой коллега, а я оппонент. Надо выглядеть поприличнее, а моя парикмахерша болеет.

— Ничего страшного,— улыбнулась Ефросинья Викентьевна, подумав про себя, что она ни за что в жизни не позволила бы себе встречать постороннего человека в бигуди.— Я отниму у вас совсем немного времени. В квартире напротив вас живут Русаковы. Что это за люди?

— Вполне симпатичные. Брат и сестра. Раньше они жили с бабушкой, но она уже лет шесть, как умерла. А их мать, когда они были еще маленькие, развелась с мужем, вышла за другого и часто живет с ним за границей. Он переводчик. И сейчас их нет в Москве. А бабушка славная была, хорошо их воспитывала,— рассказывала Рогожина. Она сидела у туалетного столика и покрывала ногти лаком. Ефросинья Викентьевна примостилась рядом на диване.— Леня — серьезный парень, не пьет, работает и учится. А Марьяна... Ну что вам сказать... Неплохая девушка... Мечтает выйти замуж и чтоб, как ее мать, ездить за границу, хорошо одеваться.

— А ваша дочь с ней дружит?

— Тоня? Ну, смотря что вкладывать в понятие «дружба». В школе учились, дружили, не выходили друг от друга. Тоня рано вышла замуж, уехала от нас. У Тони ребенок. Конечно, интересы стали разными... Насколько я знаю, они иногда видятся. Тоня, когда бывает у меня, иногда заходит к Марьяне.

— А Марьяна к вам?

— А что ей у меня делать? Нет, ни она, ни Леня уже несколько лет не заходили.

— А о даче Русаковы знали?

— Вероятно. Но о том, что в доме были деньги, вряд ли. Тоня не болтушка.

— А об иконах?

Ольга Игнатьевна поставила флакончик с лаком на стол.

— Наверное, видели их... Но имел ли кто представление о ценности икон, не уверена.

Окончание следует.

АЛМАЗНА СЫПЛЕТСЯ ГОРА...

НА РЕПОРТЕРСКИХ ТРОПАХ

В Эстонии (ее площадь всего 0,2 процента территории Советского Союза) ни много ни мало — 7378 рек! Правда, это все мини-реки и ручьи, из такого большого количества только 420 длиною больше десяти километров. А поскольку реки «предусмотрительно» малы, они и несудоходны, и сплавными не могут быть из-за отсутствия больших лесов, да к тому же оберегаются любящими их людьми, постольку они чисты и прозрачны.

Вот течет речка Ягала... Нет, это где-то в другом месте она могла бы называться речкой. Здесь надо сказать — река. Более того, она из самых длинных в Эстонии: 103 километра. Течет Ягала среди низкорослых смешанных лесов, а кое-где и между высоких сосен в борах-невеличках. У истока в Сейдла она медлительная и скромненькая, чем ближе к устью, тем течение воды становится слитней и напористей, похоже, будто кто-то тянет речку за каждую прядь воды и заставляет литься все быстрей. И вдруг толстая прозрачная лента скатывается вниз. Началось! Каждая капля разбивается об углы и плоскости поверхностных выходов Северо-Эстонского глинта. Речка падает с восьмиметровой высоты — это уже не «мини», а самый настоящий водопад. Впрямь, как написал Державин,— алмазна сыплется гора.

На эстонских реках и речках благодаря глинту и еще разным выходам песчаников и известняков не так уж мало перекатов, порогов, водопадов и водопадиков. Но есть один, самый красивый, самый необычный... водопад-гость. Его можно увидеть лишь дважды в году в Нарве. Раньше-то он был всегда, конечно. А перестал существовать в тот день, когда вступила в строй Нарвская ГЭС: реку отвели в назначенный ей канал, и, усмиренная, она уже незримо для нас «упала» на турбины — водопад переродился в электричество. Но в половодье — а на реке Нарове оно, как правило, совпадает с майскими и ноябрьскими праздниками — переполненная река слишком тяжела для турбин, ее пускают по старому руслу, и вновь возрождается, ревет и грохочет, превращается в облака тончайшей пыли, являет радуги и играет алмазным блеском водопад. Нарвитяне часами стоят на пешеходном мостике, любуясь своим трудолюбивым, вылетающим к ним на праздники красавцем.

Н. ХРАБРОВА

В № 14 наш журнал начинает печатать записки старейшего советского футболиста, заслуженного мастера спорта, начальника московской команды «Спартак» Николая Старостина

«МОИ ФУТБОЛЬНЫЕ ГОДЫ».

СССР—глазами друзей

Симпатичные малышки-гимнастки: тщательно подобранные косички, сосредоточенный, изучающий взгляд... Кисть в руках мастера — не живописца, но человека, по-своему увлеченного... Ветеран минувшей войны, погруженный в воспоминания о пережитом... Седые вершины Кавказа... Радость отдыха и счастье материнства... Глядя на эти снимки, забываешь, что сделаны они непрофессионалами. За внешней непритязательностью композиций кроется максимум информации к размышлению. Объединяет фотографии то, что все они сделаны в Советском Союзе жителями городов и деревень социалистической Чехословакии. Эти работы пришли на фотоконкурс, проводимый чешским Центральным комитетом Союза чехословацко-советской дружбы совместно с другими организациями по случаю 40-летия освобождения Чехословакии Советской Армией. Не так давно подведены итоги конкурса.

Рудольф Штерба получил первую премию в категории «Портрет», Йозеф Чермак отмечен в разделе «Природа», Франтишек Звржина стал лучшим в категории «Отдых», Ярмиле Фишеровой удались работы по разделу «Молодость»...

Ежегодно тысячи граждан ЧССР отправляются в Страну Советов. Одни проводят свой отпуск на пляжах Черноморского побережья, другие — на туристских тропах Кавказа, третьи окунаются в тишину музеев Москвы и Ленинграда. Неразлучным спутником многих в таких поездках становится фотоаппарат. Выставка демонстрировалась сначала в Праге, затем отправилась в путешествие по другим городам Чехословакии. Вместе с лауреатами конкурса эти незабываемые мгновения переживали и посетители выставки. Кто знает, может быть, у многих, до этого никогда не державших в руках фотокамеру, такое желание появится!..

Передавая работы лауреатов фотоконкурса для публикации в журнале «Огонек», хотелось бы узнать мнение советских людей о том, что удалось их друзьям из Чехословакии. А может, у кого-то есть свои фотографии, сделанные во время поездки в ЧССР! Письма просим направлять по адресу: Чехословакия, Прага, редакция журнала «Социалистическая Чехословакия».

Мария БУЛЕЦОВА,
ответственный секретарь главной редакции журнала «Социалистическая Чехословакия»,
член жюри конкурса «СССР — глазами чехословацких фотолюбителей»

Прага.

Ярмила Фишерова. Песня.

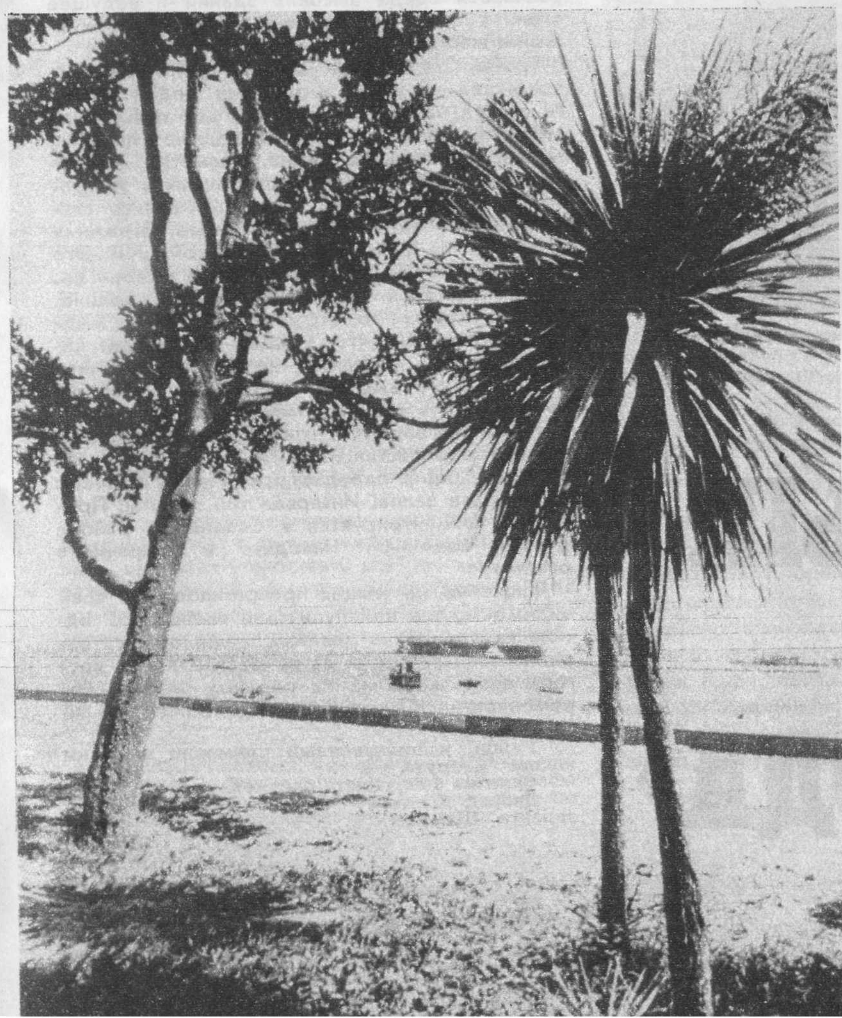
Дана Кындрова. Первые шаги в большой спорт.

Рудольф Штерба. Фронтовик.

Незабываемые мгновения

Йозеф Чермак. Черноморье...

Ярослав Кубеш. Все пройдет.

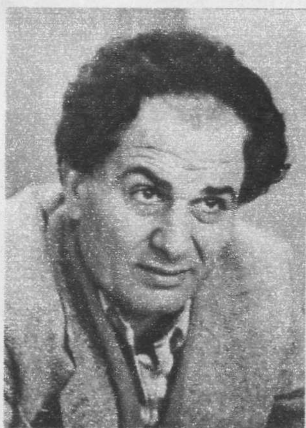

РАССКАЗ

Зияд Абдель Фаттах — известный палестинский общественный и политический деятель, участник обороны Бейрута во время израильской агрессии 1982 года, первый заместитель главного редактора журнала «Лотос» — органа Ассоциации писателей Азии и Африки, прозаик и публицист.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Зияд Абдель
ФАТТАХ

ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС «ВЕРБЛЮДА»

После того, как орудие было установлено в низине среди огромных близко расположенных друг от друга зданий, его ствол поднялся почти вертикально и замер. В ночной темноте быстро подвозились снаряды и складывались рядом с орудием, возле которого стояли заряжающий Джамджум и наводчик Абдель Кяфи. Радиостанция работала открытым текстом. В этой все сокрушающей войне, когда атаки молниеносно сменяются контратаками и применяются все виды оружия, просто не хватает времени, чтобы пользоваться в эфире шифровками. Очень трудно во время ведения огня разобрать кодовые сигналы, составить из них команды, а затем навести орудие.

Вот ствол поворачивается на несколько градусов, немного приподнимается, опускается и замирает. Враг располагается в местечке под названием Саадият [1]. Прицельная планка орудия фиксируется на отметке, соответствующей расстоянию, отделяющему район Факхани [2] от Саадият.

Перед пушкой земляная насыпь, а с трех других сторон ее окружают дома, жизнь в которых с каждым часом затихает. Вслед за первым залпом, оставившим после себя облако густой пыли, песка и мелких камней, жители соседних домов, взяв с собой наиболее легкие и ценные вещи, поспешили спуститься в нижние этажи зданий. Некоторые укрылись в бомбоубежищах.

В промежутке между первым и вторым залпами можно было услышать крики детей, которые из-за продолжавшейся всю минувшую ночь бомбежки района Факхани не могли заснуть. Теперь их глаза слипались от усталости. Близилась утренняя заря...

Люди, жившие в соседних домах, уже прекрасно знали, что такое война с фашистами, что из себя представляют артиллерийские перестрелки, авиационные налеты, заминированные автомобили и террористические акты. Они знали также и другое — что это орудие, укрывшееся среди высоких зданий и ведущее огонь в столь ранний час, вызовет неминуемый и жестокий ответный удар.

Третий залп еще более увеличил беспокойство на улице и заставил людей перейти с шага на бег. Запускались двигатели автомобилей. Машины, переполненные людьми, тяжело катились по земле. Несмотря на густую темноту, из фар, закрашенных в ультрамарин и светло-синий цвет, вырывались слабые пучки света. На фоне этого движения можно было расслышать и другой шум. Это был шепот женщин, обращавшихся к своим детям, голоса торопящихся мужчин. Вот слышно, как один из них ворчит на жену из-за ее медлительности. Она что-то ищет, перебирает какие-то тряпки и одежду, не в силах отличить в кромешной тьме черное от белого, пытается прихватить все, что может пригодиться. А вот другой голос. Он зовет ребенка, который куда-то запропастился.

Радиостанция передает орудийному расчету: «Дайте два залпа! Интервал три минуты. Противник концентрируется в Саадият в районе дворца Шамуна [3]. Наводите и открывайте огонь!»

Движение на улицах прекратилось. По всей видимости, все покинули свои жилища. В одном из зданий на девятом этаже остался парализованный старик да на шестом этаже другого дома женщина на восьмом месяце беременности. К ним поднялись бойцы ливан-

[1] Район, расположенный примерно в 20 км южнее Бейрута.
[2] Один из бейрутских районов.
[3] Дворец Шамуна — бывшая резиденция президента Шамуна.

ского Сопротивления и помогли спуститься в бомбоубежище.

Один из них, сидя в песчаном укрытии, обратился к своему товарищу:

— Слышал? По-моему, заговорил «Верблюд»?

— Ты прав. Это выстрелы статридцатимиллиметрового орудия,— ответил тот, попивая маленькими глотками чай.

В это время в квартире соседнего дома, на втором этаже, за столиком, уставленным закуской и стаканами с виски безо льда, сидели хозяин квартиры — литературный критик и его гость — журналист.

— Следующий снаряд попадет в нас! Взрыв был совсем рядом. Будь проклята эта война! Она меня с ума сведет!— воскликнул литератор.

— Действительно, снаряд упал близко, но не настолько. Если бы было рядом с нами, то зазвенели бы все стекла! — ответил журналист.— Нет ничего, что действовало бы на мои нервы сильнее этой грязной войны!

«Верблюд» послал еще один снаряд по дворцу Шамуна. Боец — корректировщик огня, сидевший на крыше здания инженерного факультета в Факхани, в бинокль наблюдал за вражеской позицией.

— Попадание в самую середину! — закричал он в микрофон рации, обращаясь на командный пункт.— Пусть «Верблюд» еще раз повторит!

Но «Верблюд» не ждал приказов. Он произвел еще выстрел по той же цели и с такой же мощью...

Яркий дневной свет осветил небесный голубой простор, залив всю даль за Бейрутом воздушным водопадом редкой прозрачности. Небо отразилось в поверхности моря и своей синевой как бы успокоило его волны. Но тут над лучами восходящего из-за гор солнца пронеслись израильские самолеты. Они сбросили бомбы туда, где стоял, задрав ствол в небо, «Верблюд». Летчики наносили удары и по соседним зданиям. Одно из них целиком обрушилось, у другого исчезло два этажа. Но попасть в орудие не удавалось. Вокруг него сыпался град осколков, взметались тучи пыли и земли. Вот «Верблюд» вроде бы задело. Абдель Кяфи осмотрел его и крикнул, что немного поцарапало ствол. Но это попадание не причинило орудию серьезного вреда. И когда воздушный налет прекратился, «Верблюд» вновь начал стрелять.

Спустя два дня наблюдатель-корректировщик передал, что противник переходит в наступление и в настоящее время находится в районе моста Дамур. Офицер с КП приказал орудийному расчету: «Два залпа подряд. Через три минуты еще один!» Бойцы, выставив на прицельной планке необходимые данные, дали два залпа. После третьего корректировщик на крыше так закричал от радости, что микрофон заплясал у него в руке: «Ну, дай еще пару раз!»

Орудие произвело один, два, три залпа.

— Почему не выполняете приказ? Надо было выстрелить два раза, а не три! — вмешался офицер с КП. Наблюдатель взволнованно продолжал передавать:

— Хорошо! Очень хорошо! Машины горят, солдаты бегут, отступают. Слава богу!

На седьмой день ствол «Верблюда» опустился на несколько градусов. Он продолжал изрыгать из себя огненную лаву. Новые колонны вражеских солдат стали наступать.

Вновь самолеты пикируют на то место, где притаилось орудие.

— Чтобы уничтожить его,— обратился один из летчиков к своему командиру эскадрильи,— придется разрушить до основания все соседние здания, так как орудие запрятано в низине среди них.

Комэска запросил мнение вышестоящего командира, и тот, с сильным раздражением в голосе, приказал уничтожить все, что мешает поразить пушку. В течение одиннадцати часов бомбардировщики под прикрытием истребителей ожесточенно бомбили позицию «Верблюда». Пикируя на цель, самолеты сбрасывали тепловые баллоны, чтобы избежать встречи с ракетами противника[4]. А у защитников Бейрута не было никакого другого оружия, кроме легкого стрелкового, не способного поражать на такой дальности самолеты. Страх у израильских летчиков перед патриотами гораздо сильнее, чем у бойцов перед воздушными асами и их машинами.

Ствол орудия торчит из глубины укрытия. Наблюдатель с крыши здания инженерного факультета сообщает, что противник вошел в расположение казарм «Генри Шхаба» в районе Бир Абад и концентрируется там. Артиллеристы навели орудие. Выстрелили раз, другой, третий... «Верблюд» вел огонь, не обращая внимания ни на самолеты в небе, ни на стрельбу линкора в морском просторе, ни на залпы ракетных установок врага.

В горах среди огромных валунов растет множество кипарисов. Они как бы зовут, приглашают врага. Но тот не в состоянии через них пройти. Нет! Враг не войдет в Бейрут!

Гнев «Верблюда» дошел до предела. Его ствол едва не разрывается. Он стал неузнаваемым! Вопреки теории, всяким инструкциям, ограничениям и техническим характеристикам, в соответствии с которыми орудие должно без промаха поражать цели, «Верблюд» продолжает и продолжает наносить точные удары. Огонь, пламя и дым разрывов окутали казармы «Генри Шхаба». В свой звездный час «Верблюд» вышел за пределы возможного. Вот точным попаданием поражен грузовик с боеприпасами и другим снаряжением. Шум его двигателя был заглушен чудовищным взрывом. Вместо атаки противник стал отступать, в спешке рассеивается. Его пожирают огонь и страх. Его пожирает «Верблюд»! Авиация вновь предпринимает попытку поразить орудие. Тонны бомб и ракет летят на его позицию. Огонь открыли корабельные орудия, раздаются залпы ракетных установок. Земля содрогается, здания рушатся. Артиллеристы Абдель Кяфи и Джамджум не покидают боевой позиции. Час, два, несколько часов пылающего ада. Сердце Абдель Кяфи ожесточенно стучит в груди. Страх и пыл сменяют друг друга. Из укрытия невозможно даже высунуться. Прошло около часа. Затем, не в состоянии больше выносить всего этого, Абдель Кяфи поднялся и побежал в сторону, не обращая внимания на разрывы бомб, падающие здания, содрогание земли. Перед тем, как он достиг пустыря, раздался резкий свист летящего снаряда... Боец упал на землю... Он был ранен. На него сыпались пыль и земля, смешанные с десятками раскаленных и оплавленных осколков...

Абдель Кяфи потерял сознание. Когда он очнулся, то уже находился в госпитале. На него смотрел улыбающийся доктор.

— Поверхностные ранения, царапины и ожоги,— сказал врач,— не переживай, тебе надо только немного отдохнуть.

Едва спина врача скрылась за дверью, Абдель Кяфи спрыгнул с кровати. Резкая боль дала о себе знать. Но молодой боец, превозмогая боль, побежал по направлению к пустырю, туда, где находился «Верблюд».

В это время солнце уже завершило свой долгий путь и устало опускалось за море. Одновременно с закатом солнца улетели и самолеты. Все вокруг было разрушено. Чувствовался запах пепла и фосфора. Воздух был насыщен земляной пылью. «Верблюда» на месте не оказалось. Везде одни лишь воронки и камни, разбросанные по пустырю, обрывки одежды и куски искореженной арматуры. И никаких следов орудия! Абдель Кяфи упорно продолжает искать. Вот его взгляд на чем-то остановился. Он бежит туда и видит торчащий из земли обломок орудийного ствола. Абдель Кяфи берет его в руки, приподнимает и целует...

На следующий день проходящие по этому месту люди увидели недалеко от позиции погибшего «Верблюда» новое 130-мм орудие.

Боец-корректировщик на крыше здания инженерного факультета сообщил, что противник вновь собирается у казарм «Генри Шхаба». Абдель Кяфи, поглаживая ствол орудия, проговорил: «Верблюд»! Я буду драться до последнего. Невзирая ни на что, мы выдержим. Клянусь, я буду таким же стойким, как ты!»

Перевел с арабского А. МУРАШКИН.

---

[4] Тепловые баллоны, или иначе — отрицательные помехи, предназначенные для того, чтобы отвлекать от самолета ракеты, действующие по принципу теплового захвата цели.

МАЯК НА МУГАНИ

Дорога тянется вдоль моря. Путь наш лежит к устью Куры, в ордена Трудового Красного Знамени колхоз имени Шаумяна Нефтечалинского района. Много лет хозяйство возглавляет Нуруш Алиев, человек в Азербайджане уважаемый. В ближайшее время Нуруш Алигасанович отпразднует 75-летие, тридцать пять лет из них он избирается председателем колхоза.

По обычаю, Нуруш Алигасанович встречает добрым словом и чаем:

— Душа обязана трудиться... Человек тогда человек, если он делает свое дело честно и красиво.

О себе Нуруш Алигасанович рассказывает скупо. Да, ему было сорок лет, когда избрали председателем. Начинали в хозяйстве с нуля.

— Откровенно скажу, страшно стало, когда на том незабываемом собрании назвали мое имя,— улыбнулся аксакал.— Но отступать не в моих правилах.

Жизнь Алиева связана с землей. С юношеских лет он выращивает хлопок, хлеб, когда-то пас овец. Как многие, во время нашествия фашистов сменил плуг на автомат разведчика. Прошагал пол-Европы, освобождая оккупированные земли Кавказа, Кубани, Украины, а потом и земли Румынии, Венгрии, Чехословакии. Он помнит, как в минуты короткого отдыха между боями солдаты думали о земле, о пашне, о запахах зерна и свежескошенной травы, о кипени хлопчатника.

Колхозники не ошиблись в выборе председателя. Сейчас колхоз имени Шаумяна в числе лучших хозяйств республики. Десять раз его достижения отмечались переходящими Красными знаменами ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ. Случай редкий.

Сельчане утверждают, что у председателя талант педагога и организатора.

— Трудно представить себе здешние места, какими они были полвека назад,— продолжал Алиев.— У крестьян были буйволы да лошади, а вместо автомашин скрипучие арбы. За год собирали вручную по двести тонн хлопка да по четыреста тонн зерна кукурузы... А сегодня? Каждый рубль, вкладываемый в дело, приносит больше восьмидесяти копеек прибыли. Мы первыми в республике стали собирать десять тысяч тонн хлопка-сырца за сезон.

В среднем здесь за месяц зарабатывают по двести пятьдесят рублей. Триста дворов, и в каждом или почти в каждом машина. Для Алиева главным всегда было улучшение экономических показателей, улучшение жизни односельчан. Кто он, их председатель? Нуруш Алигасанович и агроном, и мелиоратор, и строитель, и экономист. Прибавьте к этому хлопоты депутата Верховного Совета республики. Как тут делить время на рабочее и личное!

Двери его кабинета открыты для всех, кто хочет получить совет, помощь, поделиться радостью. Велик круг его забот. Как обстоит дело с семейным подрядом на хлопчатнике, какие блага сулит он крестьянам? Сколько осталось кормов? Что нового в садах? Что подарить очередным молодоженам? Как дела на новостройках?

На центральной усадьбе великолепный Дворец культуры, Дом быта, торговый центр, больница, спортивный комплекс, скоро будет детский сад, для молодых специалистов строят двадцать коттеджей. В миллион триста тысяч рублей обойдется мясо-молочный комплекс.

— Да, велика ценность личного примера,— говорит секретарь Нефтечалинского райкома партии Азербайджана Г. Гасанов.— Колхоз имени Шаумяна давно стал маяком на Мугани. И маяк, и кузница кадров для соседних хозяйств, и школа передового опыта. Ее прошли многие специалисты района. Все они набирались житейской мудрости у своего учителя. А потом возглавили крупные колхозы, которые еще вчера числились в середнячках...

На снимке: Н. А. Алиев.

В. МОРОЗОВА,
Г. ПОГОСОВ

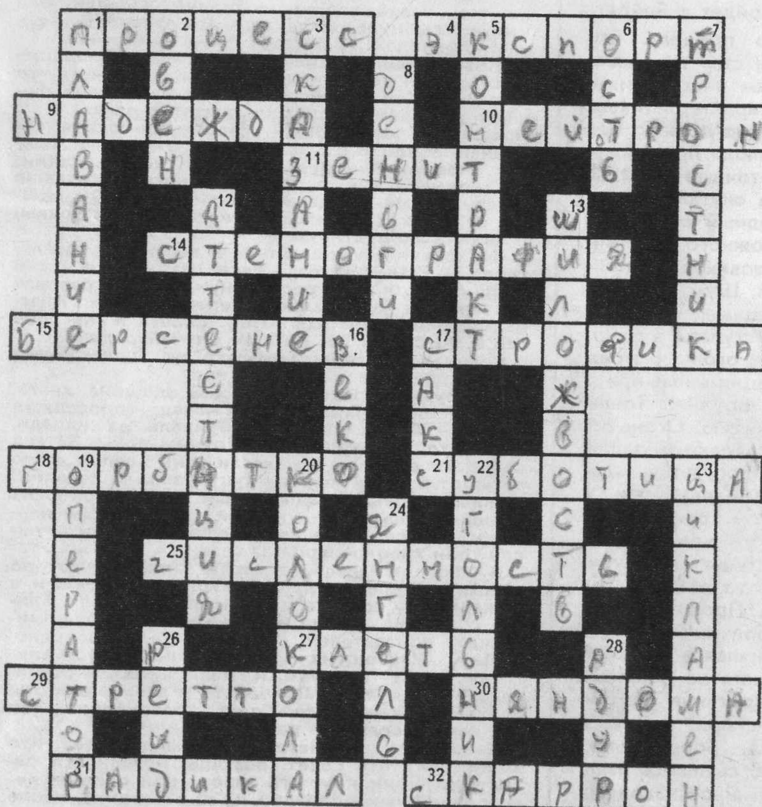

человек дела

КРОССВОРД

По горизонтали: 1. Последовательность действий в производстве. 4. Вид внешней торговли. 9. Песня А. Н. Пахмутовой. 10. Элементарная частица. 11. Советское спортивное общество. 14. Скоростное письмо. 15. Режиссер и актер, народный артист СССР. 17. Раздел стиховедения. 18. Летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза. 21. Город в Югославии. 25. Определенное количество, состав. 27. Кабина для спуска и подъема по шахтному стволу. 29. Ускорение темпа в музыке. 30. Город в Архангельской области. 31. Математический знак. 32. Французский поэт XVII века.

По вертикали: 1. Вид водного спорта. 2. Зодиакальное созвездие. 3. Литературный жанр в фольклоре. 5. Договор, соглашение. 6. Тонкий отросток на колосе злака. 7. Водяное растение. 8. Роман Э. Золя. 12. Определение квалификации работника. 13. Дикая утка. 16. Подвижный кожный покров глазного яблока. 17. Бельгийский мастер духовых инструментов. 19. Специалист, управляющий с пульта работой ЭВМ. 20. Произведение С. В. Рахманинова для хора и оркестра. 22. Чертежная линейка. 23. Альпийская фиалка. 24. Конструктор ракетно-космической техники, академик, дважды Герой Социалистического Труда. 26. Место якорной стоянки судов в порту. 28. Река на юго-западе Франции.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 3. Кедр. 4. Ейск. 6. Телеграфист. 9. Снежка. 11. «Собака». 13. Анемометр. 14. Парафраза. 15. Вселенная. 16. Пятилетка. 19. Альмавива. 21. Инициатор. 23. Лекало. 24. Ваниль. 25. Дипломатика. 26. «Огни». 27. Майн.

По вертикали: 1. Программа. 2. Герасимов. 3. Клетка. 5. Кастор. 7. Пейзажистка. 8. Малиновский. 9. Сула. 10. Андантино. 11. Стрельцов. 12. Арфа. 17. Ямал. 18. Арцимович. 19. Анаграмма. 20. Выпь. 21. Илоило. 22. Райкин.

НА ПЕРВОЙ И ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦАХ ОБЛОЖКИ: Снимки кометы Галлея, полученные с межпланетных автоматических станций «Вега-1» и «Вега-2». (См. в номере материал «К тайнам кометы Галлея».)

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, Б. А. ЛЕОНОВ (первый заместитель главного редактора), Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ.

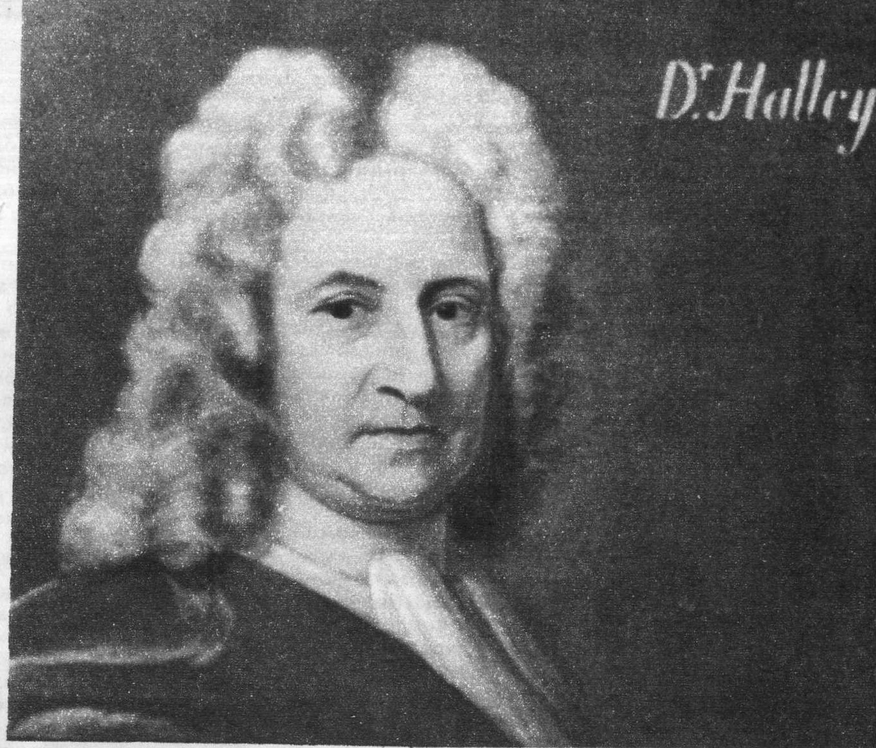
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-53; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 03.03.86. Подписано к печати 19.03.86. А 00653. Формат 70×108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 515 000 экз. Изд. № 607. Заказ № 2436.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865. ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Эдмунд Галлей, давший таинственной комете свое имя.

К ТАЙ

Ванда БЕЛЕЦКАЯ

Вот уже второй год летят в космическом пространстве советские автоматические станции «Вега-1» и «Вега-2». Летят точно по курсу, намеченному учеными, пройдя вблизи одного из самых таинственных небесных тел — кометы Галлея.

Почти тридцать лет минуло с запуска первого в истории человечества советского искусственного спутника Земли. Множество космических экспериментов выполнено, но, пожалуй, нет проекта столь дерзкого, объединившего усилия стольких стран, как «Венера — комета Галлея». Кроме СССР, в нем принимают участие Чехословакия, ГДР, Польша, Венгрия, Болгария, Франция, ФРГ, Австрия... Сейчас закончился его последний этап.

Тридцатый раз на памяти людей появляется комета Галлея на небе. За век до нашей эры о ней упоминали китайские хроники. В начале нашей эры она пронеслась над Иерусалимом, рождая суеверный ужас видевших ее. В музее Байе во Франции хранится гобелен XI века, на котором изображены норманны, пораженные явлением кометы 1066 года. Ковер вышивала королева Матильда — жена Вильгельма Завоевателя. Считалось, что комета принесла победу ее супругу. Появление кометы 1301 года запечатлел на своей фреске великий Джотто ди Бондоне. Это одно из ее первых достоверных изображений.

Таинственная комета не имела тогда ни имени, ни объяснения. Ее подлинными именинами можно считать 15 августа 1682 года, когда ее увидел ученик Исаака Ньютона Эдмунд Галлей.

В 1695 году он занялся вычислением орбит двадцати четырех комет, начиная с 1337 и кончая 1682 годом. Английский астроном обратил внимание на сходство элементов орбиты трех комет: 1682, 1607 и 1531 годов. «А вдруг это одна и та же комета?» — подумал ученый. «...Я с уверенностью решаюсь предсказать ее возвращение на 1758 год, — записал он. — Если она вернется, то не будет никакой причины сомневаться, что и другие кометы должны снова возвращаться к Солнцу...»

Галлей не дожил до своего триумфа. Он скончался 14 января 1742 года. Но догадка его была поистине гениальной. Возвращение кометы, получившей его имя (она появилась немного позже, Галлей в расчетах не учел возмущений кометы со стороны планет-гигантов Юпитера и Сатурна, мимо которых должна была пройти комета), подтвердило не только периодичность ее появления каждые 76 лет, но и теорию Ньютона (закон всемирного тяготения), тогда еще встречавший сопротивление ученых.

Долгое время «волосатые, косматые звезды» считались вестниками несчастий и катастроф. И в 1910 году, когда ожидался двадцать девятый визит Галлеи, люди с любопытством и ужасом смотрели на небо. Ученые писали, что Земля пересечет хвост кометы, раскинувшейся на полнеба, предсказатели пытались запугать всех самыми невероятными рассказами о «конце света».

Но катастрофы, конечно, не произошло. И Земля, и Галлея продолжали путь по своим орбитам. И вот через 76 лет, как предсказал Галлей, они вновь сблизились. Но теперь ученые подготовились к встрече с Галлеей иначе.

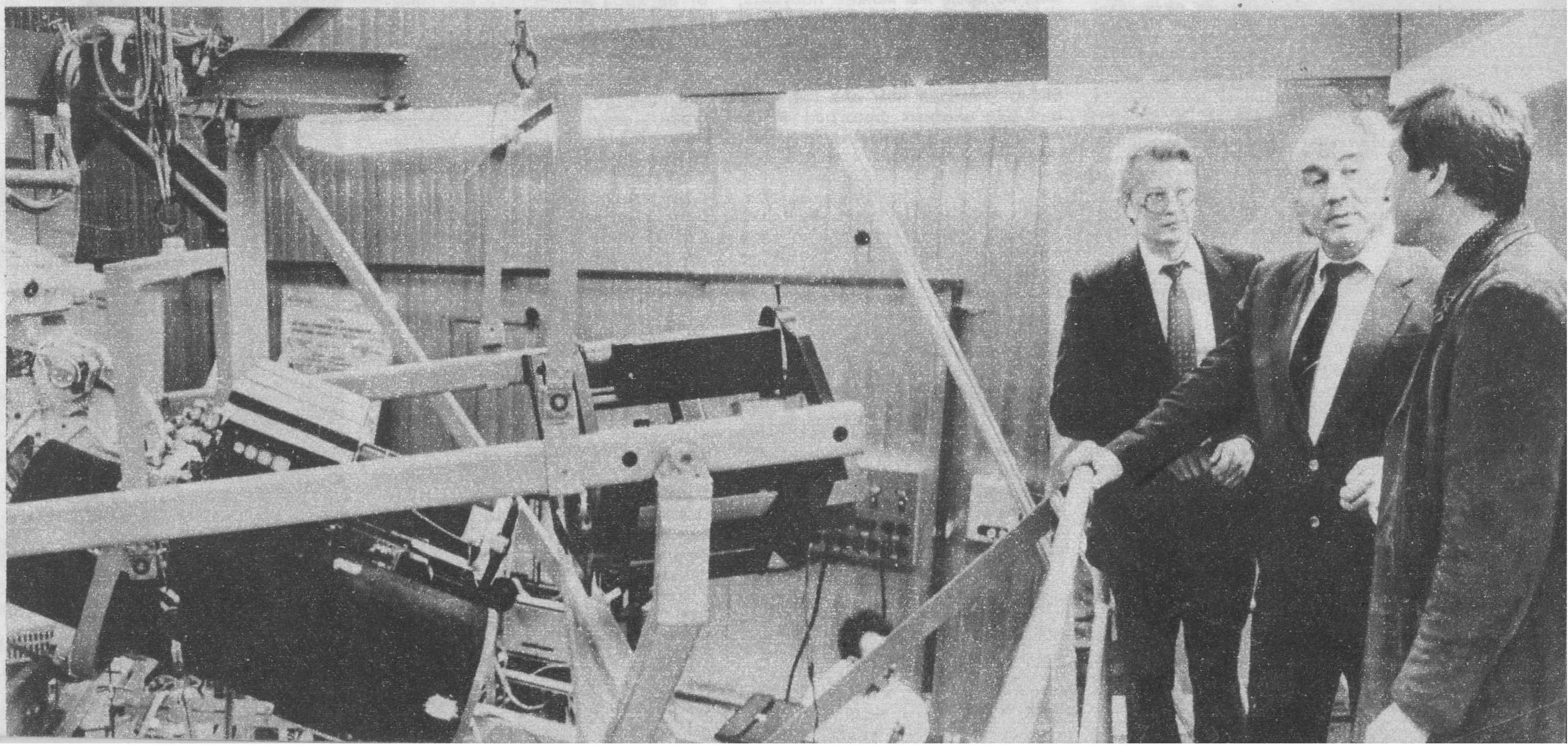
К таинственной комете с космодрома Байконур ушли две советские автоматические станции — «Вега-1» и «Вега-2». На борту их сложнейшая аппаратура, выполненная учеными нескольких стран. Вслед за советскими «Вегами» с полигона Куру во французской Гвиане отправился аппарат «Джотто» Европейского космического агентства. Чуть позже с юга Японии пошли по их следу зонды, раз-

Так была видна комета Галлея на фоне звездного неба в 1910 году.

НАМ КОМЕТЫ ГАЛЛЕЯ

В Институте космических исследований АН СССР во время подготовки сеанса связи с автоматической станцией. В центре — заместитель научного руководителя проекта В. М. Балебанов.

Фото Г. КОПОСОВА

работанные по проекту «Планета-А» космического центра Кагошима. Причем советские «Веги», как и задумывалось, вывели европейскую и японскую станции точно к Галлее: кроме своих собственных заданий, «Веги» выполняли роль лоцмана, функцию наведения автоматических коллег на цель.

Такого грандиозного совместного эксперимента еще не было в истории мировой космонавтики.

О том, как начинался проект «Венера — комета Галлея», как станции «Вега-1» и «Вега-2» уходили в свой дальний путь, рассказывает выходящий в эти дни на экраны научно-популярный фильм «Вега летит в прошлое» (студия «Центрнаучфильм». Режиссер В. Иванов, оператор Ю. Крючков, сценарий И. Нехамкина). Кадры из этого интересного, познавательного фильма мы печатаем на третьей странице обложки журнала. Фильм заканчивается моментом, когда с космодрома Байконур советские автоматические станции уходили в свой космический рейс. Было это больше года назад. Сейчас на наших глазах жизнь дописывает сценарий.

Институт космических исследований АН СССР сейчас привлекает пристальное внимание ученых мира. В Москву съехались участники проекта из многих стран.

Когда проект только готовился, в Чехословакии мне довелось встретиться с заведующим отделением космической физики астрофизической обсерватории Борисом Вальничеком. Он возглавлял работы со стороны Чехословакии.

«Директор Института космических исследований, научный руководитель проекта академик Сагдеев предложил интереснейшую идею,— говорил мне тогда Вальничек.— Сделать проект комплексным, совместить полет станций к планете Венера и к комете Галлея — это очень остроумное решение. И очень экономное. Одна ракета-носитель (наиболее дорогостоящая часть проекта) выносит в космос аппаратуру для исследований и Венеры, и Галлеи. Но это создает и дополнительные трудности. Представляете, насколько надежны должны быть приборы, посланные в космос надолго и с таким трудным заданием! Насколько точно рассчитан их путь, чтобы, двигаясь по просторам Вселенной, они не разминулись с летящей кометой да еще предварительно спустили посадочные аппараты и аэростатные зонды на Венеру!»

Борис Вальничек рассказывал мне тогда, как идут в Чехословакии работы по изготовлению автоматической стабилизированной платформы станций, на которой разместится аппаратура — крупные телевизионные камеры, широкоугольная камера для фотографирования, различные приборы для изучения спектра кометы, состава газов, температуры.

«Мы все так долго готовили эту пьесу для небесного театра, что я, конечно, мечтаю ее увидеть»,— пошутил он тогда.

Сейчас все волнения позади. Как и в первой части эксперимента — исследовании Венеры,— прошедшего летом прошлого года, все шло строго по плану. «Никогда еще аппаратура не работала в таких условиях столь четко»,— констатировал положение заместитель научного руководителя проекта Вячеслав Михайлович Балебанов.

То, что происходит, кажется чудом. Но это чудо было запланировано.

Больше 440 суток ждали ученые этого момента, с того часа как ушли в полет советские «Веги». 6 марта на расстоянии около 9 тысяч километров от ядра кометы прошла «Вега-1», приборы сфотографировали комету и передали снимок на Землю.

Еще более удачной оказалась работа «Веги-2». 9 марта она прошла на минимальном расчетном расстоянии, чуть больше восьми тысяч километров от ядра Галлеи и передала на Землю около 700 изображений кометы, снятых в различных зонах оптического спектра.

— Красная часть на снимке — это ядро кометы,— пояснил В. М. Балебанов.

С Земли ядро кометы увидеть нельзя. Вот почему это — выдающееся событие в истории астрофизики. Впервые космические аппараты были направлены для изучения малого небесного тела.

Блестяще закончившийся эксперимент — первый шаг на пути претворения в жизнь решений XXVII съезда КПСС о дальнейшем изучении и освоении космического пространства только в мирных целях.

«Увидеть» изображение кометы, определить размеры и массу ядра, выяснить физический и химический состав газа и пыли, исследовать характер взаимоотношения кометной плазмы с солнечным ветром — вот задача ученых. Уникальные данные, полученные «Вегами», имеют мировое научное значение, расширяют представления ученых о начальных стадиях формирования планетной системы. Исследуя состав кометы, ученые надеются обнаружить праовещество, которое почти пять миллиардов лет назад послужило строительным материалом для Солнца, планет и, конечно, нашей Земли... На пресс-конференции научный руководитель, академик Р. З. Сагдеев отметил, что сведения, которые мы можем получить, «затрагивают глубинные истоки мироздания».

Институт космических исследований Академии наук СССР любезно передал нам для публикации ряд цветных фотографий кометы Галлея, полученных с советских автоматических станций «Вега-1» и «Вега-2». Их можно увидеть на первой и четвертой страницах обложки журнала.

Прошу прокомментировать эти снимки заведующего отделом ИКИ, кандидата технических наук Яна Львовича Зимана.

— Для обработки изображения кометы в нашем институте был создан специальный вычислительный комплекс. Одновременно с получением информации здесь шел анализ изображения и вывод его на экраны цветных дисплеев. При этом оперативно шли рекомендации в Центр дальней космической связи, а оттуда на межпланетные автоматические станции «Веги» для выбора наилучших фильтров и экспозиции во время съемки кометы или ее центральной части — ядра.

Вот это изображение (верхнее на четвертой странице обложки) получено 4 марта станцией «Вега-1». Оно интересно тем, что это — первая в истории человечества фотография Галлеи, сделанная с межпланетной автоматической станции.

А здесь (нижние снимки) Галлея снята, когда межпланетная станция проходила сквозь кому и находилась еще на расстоянии двенадцати с половиной тысяч километров от ее ядра.

Самое, на наш взгляд, интересное изображение ядра Галлеи (нижний снимок на первой странице обложки) получен 9 марта с «Веги-2». Ученым еще предстоит изучить полученную в ходе этого действительно уникального эксперимента информацию, чтобы решить вопрос о составе ядра.

Верхний снимок получен с космического аппарата «Вега-2» в момент максимального сближения с космическим телом.

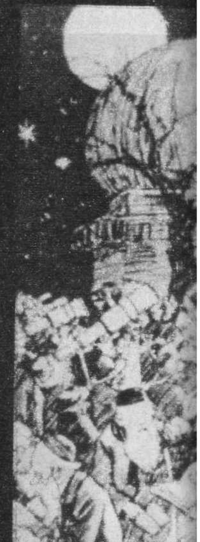
В создании вычислительного комплекса, кроме СССР, принимали участие ГДР, Франция, Венгрия. Руководитель и автор работ — директор ИКИ академик Р. З. Сагдеев, соавторы — Г. А. Аванесов, Я. Л. Зиман и В. И. Тарнопольский.

В марте комету Галлея можно видеть с Земли в южном полушарии за час до восхода. Особенно хорошо она видна в Австралии.

Второе сближение кометы с Землей начнется в апреле. Она удалится от Солнца, и активность ее спадет. В июне Галлея все еще будет видна по вечерам в созвездии Льва, а потом скроется в сумерках.

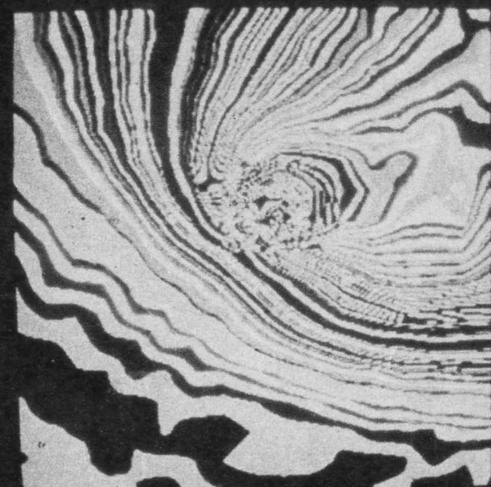
А пока три земные миссии прибыли к Галлее. Точно наведенная на цель с помощью данных, полученных с «Веги-1» и «Веги-2», западноевропейская межпланетная станция «Джотто» прошла через голову кометы Галлея на расстоянии примерно 500 километров от ее ядра и передала его снимки. Ядро кометы Галлея получено крупным планом! Это уникальное событие в истории мировой космонавтики. Сделать это позволило научное сотрудничество разных стран. Советские «Веги», европейская станция «Джотто», японская программа «Планета-А», не дублируя друг друга и в то же время в полном содружестве, собирают разнообразную информацию о таинственной комете. В этом принимают участие и ученые США.

Много веков Галлея имела «плохую репутацию»: с ее появлением связывали войны, неурожаи, эпидемии, катастрофы. Но сейчас она полностью «реабилитирована». Во-первых, как говорят ученые, во время двух страшных мировых войн она была далеко от Земли, а, во-вторых, тридцатый раз подошла к нам в Международный год мира. Исследования ее космическими аппаратами — плод дружбы, сотрудничества и взаимопонимания. Они будут вписаны в книгу познания и мира.

Комета над Петербургом, середина XIX века.

Инженерная модель кометы Галлея, синтезированная на вычислительной машине специалистами Института космических исследований АН СССР.

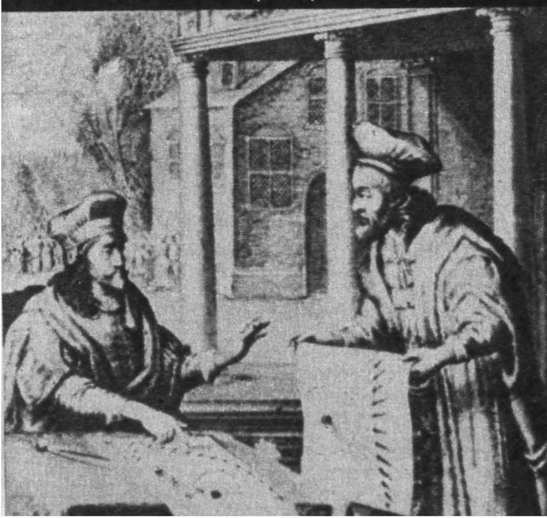

И в начале нашего века интерес к Галлее не угасал.

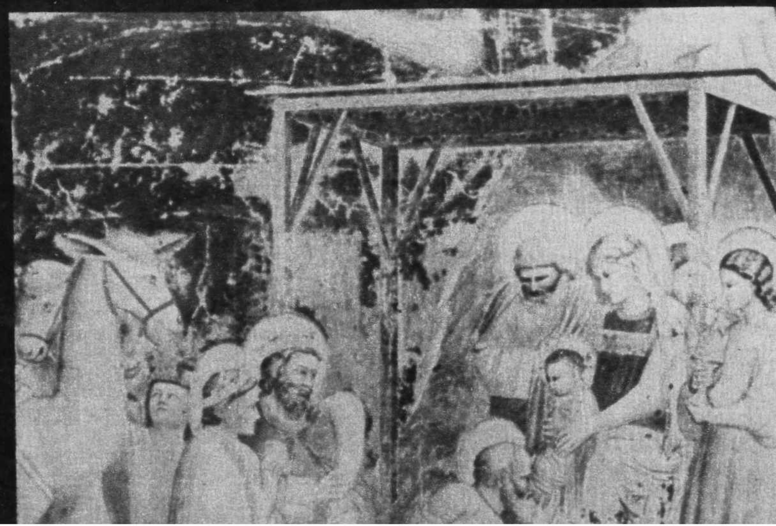

Деталь гобелена, вышитого королевой Матильдой. XI век. Норманны поражены явлением кометы, принесшей им победу.

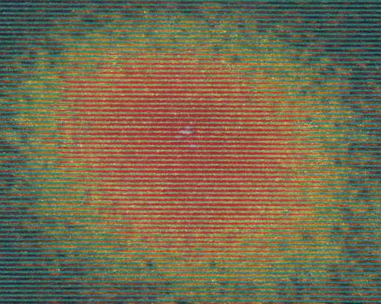
Издавна ученые интересовались, откуда пришли эти небесные светила.
Гравюра из старинной книги.

Появление кометы запечатлел на фреске великий итальянский художник Джотто ди Бондоне.

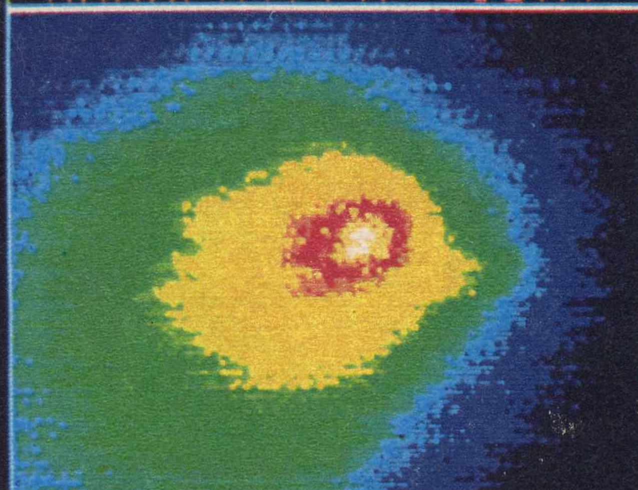

ОБРАБОТКА: ИКИ АН СССР ВЕНГРИЯ
АППАРАТУРА: СВИТ ФРАНЦИЯ
СССР

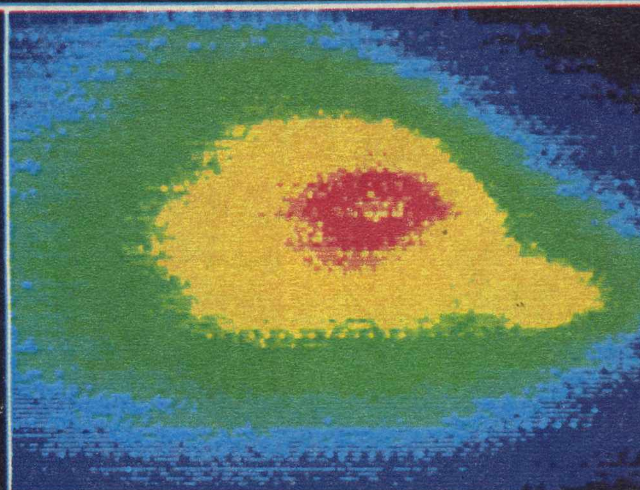

КАНАЛ: КАДР:
ДАТА: 4-MAR-86 ФИЛЬТР:
ВРЕМЯ: ЭКСП: МС
ОКНО: X Y

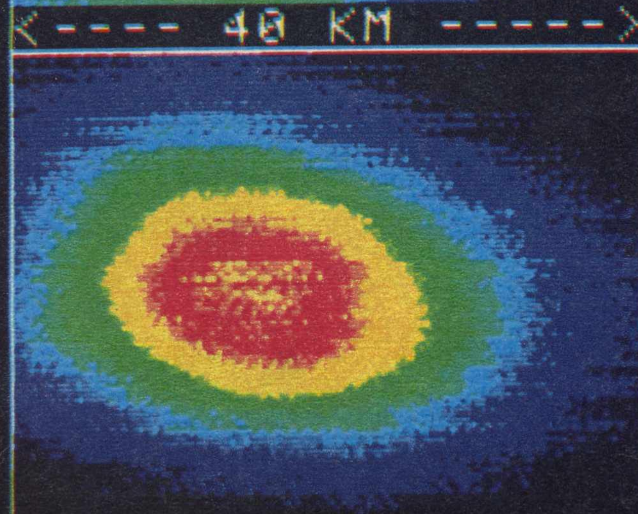
В Е Г А 1 Т В С СССР
ОБРАБОТКА: ИКИ АН СССР ВЕНГРИЯ
АППАРАТУРА: СВИТ ФРАНЦИЯ

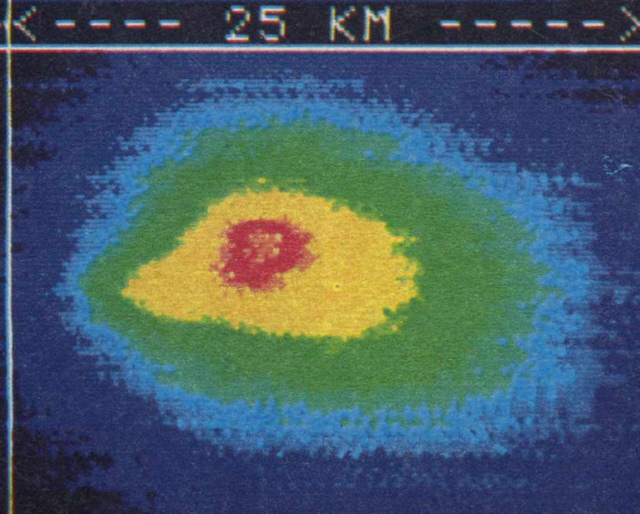
<---- 40 КМ ----->

<---- 25 КМ ----->

<---- 20 КМ ----->

<---- 50 КМ ----->

6 МАРТА 1986 ГОД

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663